

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/12523385>

Тазетта

Направленность: Гет

Автор: MBelinskaya (<https://ficbook.net/authors/1222308>)

Беты (редакторы): Anya Brodie (<https://ficbook.net/authors/3153859>)

Фэндом: Роулинг Джоан «Гарри Поттер», Гарри Поттер (кроссовер)

Пэйринг и персонажи: Драко Малфой/Гермиона Грейнджер, Гарри Поттер/Джинни Уизли, Теодор Нотт/Дафна Гринграсс, Блейз Забини/Пэнси Паркинсон, Перси Уизли, Нарцисса Малфой

Рейтинг: NC-17

Размер: 73 страницы

Количество частей: 8

Статус: завершён

Метки: Отклонения от канона, Преступный мир, Рейтинг за секс, Предательство, Серая мораль, Третий лишний, Частичный ООС, ООС, Ангст, Психология, Смерть второстепенных персонажей, Фастберн, Patronus of Dramione

Описание:

Гермиона всегда поступала так, как считалось правильным. Поддерживала друзей, шла на помощь тем, кто в ней нуждался, верила в торжество добра и правосудие. Приоритеты изменились, когда то же самое понадобилось ей, а близкие отказались тянуть эту ношу.

И единственным верным выходом стала преступная группировка. Однако в неё нужно умудриться попасть, а для этого Драко Малфой должен принять её в семью.

Примечания:

Омерта — свод правил мафии, который запрещено нарушать.

Капо — капитан сектора мафии.

Консильери — советник Босса мафии.

И сразу хочу расставить все точки над "i". Данная работа была написана в рамках конкурса, где доставшаяся мне метка звучала "МАФИЯ/ПРЕСТУПНЫЙ МИР".

Основа Тазетты взята с группировки, которая зародилась на Сицилии в XIX веке и называется - Коза Ностра (с итал. - Наше дело). В работе указана их омерта, их система работы. Так же были моменты, которые я брала из истории мафии в целом, книг Марио Пьюзо и фильмов по этим произведениям.

Трейлер к работе <https://www.youtube.com/watch?v=CRDUDgbV3jw>

09.10.2022 - №1 в топе Гет

09.10.2022 - №13 в топе Все

09.10.2022 - №2 в топе Роулинг Джоан "Гарри Поттер"

09.10.2022 - №1 в топе Гарри Поттер

Посвящение:

Я благодарна Броуди - человеку, который вычистил этот текст и привнёс в него культуру.

Без внимания нельзя оставить Вику - человека, который читал эту историю давно и одним из первых. Именно её творение украшает обложку.

И спасибо Софе, моему вынужденно конкуренту, который навсегда останется для меня Доном Карлеоне.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора / переводчика

Оглавление

Оглавление	2
Акт 1 «Фауст»	3
Примечание к части	16
Акт 2 «Свидетель»	17
Примечание к части	27
Акт 3 «Выход есть всегда»	28
Примечание к части	44
Акт 4 «Власть»	45
Примечание к части	59
Акт 5 «Букетные нарциссы»	60
Примечание к части	68
Акт 6 «Всё так, как и должно быть»	69
Эпилог	75
Примечание к части	76
Рождественское дополнение	77
Примечание к части	78

Акт 1 «Фауст»

Казалось, комната была буквально пропитана запахом смородинового варенья. Он въедался в стены, насыщая воздух приторными ароматами ягод и жжёного сахара, от которых уже кружилась голова.

Жар окутал тело, и Гермиона нехотя открыла глаза и посмотрела на деревянный потолок. Она часто ловила себя на мысли: на нём не хватало зарубок, ведущих отсчёт количества дней, проведённых в этом доме. Снизу доносился гул — Уизли разговаривали между собой, что-то бурно обсуждали и заливисто смеялись.

Когда-то Нора была для неё очаровательным, тёплым и дивным местом. Сюда хотелось прийти, остаться, поделиться впечатлениями и тревогами с близкими людьми. Дом, где всегда можно найти помощь и поддержку. Она плохо помнила, в какой момент позитивные ассоциации сошли на нет. А каждый вдох отдавал щемящей болью в области груди.

Вероятно, разочарование наступило после возвращения из Австралии месяц назад. Тогда последняя надежда на спасение родителей была потеряна. Ей пришлось вернуться в Британию.

— Гермиона, завтрак на столе! — послышался голос миссис Уизли.

Грейнджер вобрала в лёгкие воздух и села на кровать. Та неприятно закрипела под весом тела. А солнце, которое падало посреди комнаты сквозь окрашенное разводами окно, ослепило глаза. Атмосфера словно желала становиться куда более угнетающей. Когда-то утро было её любимым временем. Сейчас она обожала ночь. Период, в который разум отдыхает и не поедает изнутри.

Она по инерции заправила кровать руками. Спутанные волосы уже не нервировали. А сознание возвращалось, когда Гермиона уже стояла в ванной, а холодная вода окропляла лицо. Девушка увидела в отражении искажённую версию себя. Измученную, ничего не добившуюся, всеми забытую и уничтоженную собственным единоличным горем. Её родители оставались живыми и невредимыми, но для неё — мёртвыми.

Предполагала ли она, что в двадцать пять её жизнь будет казаться сущим абсурдом из сатирической комедии? До шестого курса, разумеется, нет. Гермиона, как и многие, строила планы, которые непременно должны были сбыться, — она же старалась их осуществить. Тогда она полагала, что в двадцать пять у неё будет муж, карьера в Министерстве, власть и уважение. Однако, смотря на суровую реальность, она не могла увидеть даже доли того, о чём грезила. Не всем целям было суждено осуществиться. Порой они рассыпались словно прах.

В какой момент всё пошло не по плану? В минуту, когда труп Седрика Диггори украсил поле Хогвартса? После встречи с Пожирателями смерти в Отделе тайн? Быть может, в момент встречи с проклятой Кэти Белл? Возможно, после смерти Дамблдора? Нет. Всё пошло по ухабистой тропинке, когда она собственными руками лишила себя семьи. Стёрла себя из жизни матери с отцом и отправила их в Австралию, наивно веря, что когда-нибудь сможет вернуть им

воспоминания.

После войны они с Роном сразу же отправились туда в попытке вернуть им память. Однако каждый раз их ожидал провал. Рон пытался её поддерживать. Гарри и Джинни часто приезжали в Австралию и пробовали помочь. Но тщетно.

Каждый день надежда покидала её всё стремительнее. Гермиона боролась с отчаянием, постепенно забывая о мире, который её окружал. Но она не привыкла сдаваться. В этом и было её наказание.

Вполне понятно, почему их отношения с Роном сошли на дружеские и она съехала. Он предлагал остаться, найти работу в Австралии, чтобы жить ближе к родителям. Был готов поддержать. Но слишком много времени она забрала у него за эти шесть лет. А ведь он мог найти девушку, создать семью и стать счастливым. Но он продолжал пытаться помочь. Она бесконечно винила себя. После смирения с тем, что стала сиротой при живых родителях, Гермиона пришла к тому, что осталась без всего.

У неё не было карьеры — Грейнджер тратила жизнь на попытки вернуть память семье. Денег на существование также не было — работал лишь Рон, а её сбережений и средств от Ордена Мерлина, который сопровождался хорошей премией, хватило ненадолго. Любящего человека она от себя отдала. Другьям она должна была дать отдых от собственных проблем. Кто бы мог подумать, что Гермиона Грейнджер останется никем, загнанная своим личным палачом, стремлениями и разбитыми вдребезги надеждами?

Её резюме в Министерство рассматривали уже месяц. Она жила у Молли и Артура, которые между собой утрировали, что остались без сына. Рон не вернулся из Австралии, продолжив искать себя там. Гарри и Джинни спали на соседней кровати, так как на Гриммо шла полнейшая перестройка, а большая часть комнат была уничтожена слишком давно. Она никуда не выходила, ни с кем не общалась. Это уже была не жизнь — существование.

— Тыквенный? — голос миссис Поттер вытащил её из мыслей.

Грейнджер отреагировала на Джинни, которая пристально всматривалась в неё. Словно пыталась разглядеть душу за осколками сознания. Гермиона поняла это, когда уже сидела на кухне рядом с Гарри и напротив подруги.

— Да, пожалуйста, — кивнула она.

Гермиона наблюдала за тем, как стакан наполняется, и не заметила, как Молли указала Гарри в её сторону, явно на что-то намекая. Тот кивнул, достал из внутреннего кармана пиджака небольшой конверт. Гермиона даже не повернулась в его сторону, вновь погружаясь в раздумья.

— Миона, — улыбнулся Гарри, привлекая её внимание.

Гермиона перевела взгляд на него, а после на конверт. Остальные за столом сделали вид, что удивлены.

— Меня беспокоит, что ты совсем закрылась, — он тяжело выдохнул. — Мне дали билет на пьесу. Аврорат. Сама понимаешь, не люблю такие места, — пояснил Поттер. — Может быть, сходишь?

Он протянул ей конверт. Гермиона сдавленно улыбнулась, забирая его из рук Гарри и открывая. Она обратила внимание на приглашение. Помимо билета на пьесу, там был пропуск в номер одного из лучших отелей волшебного Лондона. Гермиона понимала, что даже сотрудникам Аврората такие вещи дают не просто так. Осознание, что им с Джинни тоже стоило побыть одним, пришло достаточно быстро.

«Ты лишняя, Гермиона. Третий лишний, который мешает паре супругов уединиться для вполне логичных потребностей».

От этой мысли стало крайне не по себе и бросило в жар. Неприятный, тягучий. Пытающийся задушить в агонии.

Грейнджер натянула на лицо улыбку, благодарно кивая ему и косясь на завтрак. Есть она совершенно не хотела. Гермиона извинилась и вышла на улицу, вдыхая несколько глотков свежего воздуха.

«Возможно, даже хорошо, что у меня появилась возможность выбраться отсюда хотя бы ненадолго. Я не была на таких мероприятиях очень давно, любопытно, насколько изменился театр около того старого отеля?»

Во что нас способно превратить одиночество? Не то, в котором мы заперты без малой доли общения и людского внимания. Речь про душевное одиночество, которое можно ощутить даже в толпе или кругу семьи.

Гермиона жила в одном доме с Молли, Артуром, Джинни и Гарри. Несколько лет спала в одной кровати с Роном. Всё это время она ощущала себя лишней, одинокой, без шанса на спасение и победу.

Одиночество превратило её в мраморную статую с теми же утончёнными чертами лица, осанкой, улыбкой. Но совершенно неживую. Порой она чувствовала себя мёртвой, поскольку давно перестала ощущать вкус жизни, уже ничего не хотела и не желала.

Сейчас, шагая по улицам Лондона в одном из любимых платьев, держа спину ровно и натянуто улыбаясь, она всматривалась в прохожих. В попытке угледеть, где они находят вкус к жизни, Гермиона так и не приобретала собственный. И вновь отсутствовал результат: улыбка всё ещё была натянута, а из ощущений — лёгкий холод, бродящий по оголённой коже.

Когда Гермиона подошла к двум похожим зданиям, она села на лавочку, разглядывая их. Театр создал один из учеников Когтеврана. Здесь играли самые потрясающие пьесы. Рядом располагался отель, где во время показа определённого спектакля весь интерьер становился под стать ему. Оливер, именно так звали хозяина, считал, что зритель должен не только прочувствовать, но и прожить атмосферу, которую передавал автор. Сама Грейнджер посещала данное место ровно два раза. С Роном, который всегда не хотел туда идти, но соглашался, потому что она была увлечена.

И вновь Гермиона вспомнила, что когда-то была жива и не являлась третьей

лишней даже в окружающем мире.

— Это же Малфой, босс Тазетты, — послышалось позади неё.

Гермиона оглянулась. Чуть поодаль от неё разговаривали двое мужчин в костюмах и небольших котелках.

— Тазетты? — удивился собеседник.

— Захочешь заняться в Лондоне чем-то серьезнее продуктовой лавки — услышишь это название, — ответил первый, всё ещё продолжая смотреть на шедшего рядом мужчину. — Мистер Малфой, здравствуйте!

Грейнджер обратила внимание на Драко, которого оглядывал волшебник. Его фамилию последний раз она слышала в Визенгамоте. Там Гермиона искренне защищала человека, который её носил. Кто бы мог подумать, что одна из первых вылазок в Лондон закончится столь необычной встречей?

Хотя, казалось, он её даже не заметил. Да и был ли это Малфой? Тот юноша, который отрицал, что видел перед собой Гарри Поттера в стенах мэнора, прекрасно понимая, что это может быть лишь он. Ведь мужчина, которого она видела не так далеко от себя, его образ, лицо и тело, лишь напоминал прошлого Драко — во всём остальном это был некто иной.

Мужчина двигался уверенно, ровно, с высоко поднятой головой и лёгкой усмешкой, царившей на губах. Он остановился около звавших его волшебников, обсуждая с ними неизвестные ей темы значительно тише, нежели кричали они. Гермиона разглядывала Малфоя. Волосы цвета снега были немного взъерошены.

Черты лица стали грубее, скулы — острее, а взгляд напоминал две серебряные монетки, которые блестели от уличных фонарей. Широкая грудь, внушительные плечи, рост чуть выше, чем на момент их последней встречи. И лишь цвет одежды оставался неизменным. Гермиона помнила, как часто он носил чёрное, словно указывал на свою принадлежность к высшему злу.

На языке поселился неприятный привкус, а сердце пропустило несколько ударов, напоминая о том, что было живо. В голове её стали появляться вопросы, ответов на которые она не знала, но уже жаждала получить. Малфой всегда был тем, кто указывал ей, кем она должна стать, на что не способна и кем являлась. Гермиона часто желала сделать всё, чтобы доказать ему обратное. Это было её мотивацией учиться, стараться, становиться лучшей. Той самой, которую она уже давно потеряла.

Чего он добился? Кем стал? Чем занимался? Насколько на нём сказалось едва ли не осуждение в Азкабан. И что такое Тазетта, что упоминали двое мужчин?

Давно забытое пестрящее ощущение проснулось в её душе, уже надеясь пустить корни и наконец-то помочь Гермионе вернуться в мир живых. Вопросы исчезли ровно в ту минуту, когда Малфой развернулся и направился в сторону театра, исчезнув так же быстро, как и появился.

Взгляд Грейнджер упал на огромные часы, которые располагались между двумя входами, — время подходило к пяти часам.

Этот вечер должен стать лучше, чем предыдущие. В это нужно искренне верить.

Гермиона не хотела и представлять сумму, которую она должна будет Гарри за билет сюда. До этого она бывала лишь в нижней части театра, где всегда было неудобно смотреть спектакль. Сегодня же она располагалась в возвышавшейся над залом ложе, где открывался подобный искреннему свету в полной тьме вид, такой же исключительный и особенный. Отсюда было идеально слышно актёров и видно игру.

Единственное, что её смущало, — ложа была на двоих. Но она сидела одна. И тот человек, который проведет с ней ближайшие три часа, был загадкой. Хотя кто-то чужой сейчас порадовал бы её больше близкого.

— Мисс, позвольте разочаровать, но вы ошиблись ложей, — раздался сзади мужской голос.

Гермиона встала с кресла и оглянулась. Судьба словно смеялась ей в лицо, складываясь весьма ироничной ситуацией. Губы вытянулись в еле уловимую улыбку — этого стоило ожидать, однако она всё равно старалась оставаться максимально удивлённой, насколько это было возможно.

— Грейнджер? — изумился Малфой, на несколько мгновений его неприступное лицо вспыхнуло недоумением.

— Малфой, — спокойно произнесла она, оглядывая его с ног до головы.

Он был без пальто. Ей открывался вид на жилистую шею, белую рубашку, облегающую тело.

— Не знала, что ты ходишь по театрам, — сказала Гермиона и вновь села. — Неужели полюбилось искусство?

— Не знал, что ты носишь фамилию Поттер, — ответил он, обходя её и присаживаясь на своё место. — Неужели у вас шведская семья?

Казалось, в эту минуту её уши загорелись пламенем. Гермиона гневно взглянула на Малфоя, который лишь довольно ухмылялся её реакции на его слова.

— Гарри всего лишь купил билет, — хмыкнула она, при этом перекидывая ногу на ногу и облачиваясь на спинку кресла.

— Годы идут, а Поттер всё ещё покупает Грейнджер игрушки, — язвил Малфой. — Всегда было интересно, когда это ноша перейдёт к Уизли?

В груди кольнуло. То было напоминание, что Гермиона даже приобрести что-то для себя уже давно не могла. Стало неприятно, и она устремила взор на сцену, не желая отвечать на вопрос. Малфой же рассматривал её — Гермиона буквально ощущала это кожей. Как его ледяной взгляд изучал её тело. Ей не

хотелось представлять, о чём он думает в такие моменты. Это начиналось ещё в Хогвартсе. Тогда Гермионе казалось, что он размышлял, какого цвета будет её кровь. Будет ли там грязь?

Сам же Драко сидел, поражённый в душе и непоколебимый внешне. Он и правда ожидал здесь Поттера, как и было запланировано. Дело, которое сегодня должно произойти в стенах этого места, являлось неотъемлемой частью работы. Но он встретил её — девушку, которую уже давно не думал увидеть рядом с собой.

«Грейнджер не меняется, всё такая же строптивая, с высоко поднятой головой, резкими словами и своим тонким, властным голосом. Он мог приказывать с таким же упоением, что и петь самую очаровательную мелодию в мире».

— Мне почему-то показалось, что ты наконец вырос, Малфой, — выдохнула она после паузы. — Но ты всё тот же, со своими глупыми шуточками.

— Прошу заметить, что они всегда попадают в точку, — прищурившись, ответил Драко, на что она лишь вобрала в лёгкие больше воздуха. — Ладно тебе, Грейнджер, немного юмора не повредит даже такой серьёзной даме, как ты.

Он говорил с явными нотками сарказма.

— Юмор — это когда смешно, — огрызнулась она.

Он лишь прыснул, откидываясь на кресло и вальяжно расставляя ноги.

Гермиона обратила взгляд на сцену, где начиналось представление, стараясь полностью отдаться искусству, но сидевший рядом Малфой всё не выходил из головы.

«Может быть, мы были далеко не друзьями, всецело наоборот, но неужели после шести лет он продолжает быть таким... таким... Малфоем?»

Когда-то эту фамилию Гермиона всецело приравнивала к самым гнусным ругательствам. Этот человек всегда пробуждал бурю эмоций, как правило, ужасных и отрицательных. В то же время это не опускало того факта, что, в отличие от друзей, он продолжал их вызывать, что пугало её с каждой минутой всё больше и откровеннее.

— Ты не ответил на вопрос, — заметила Гермиона, немного подождав.

— На какой именно? Ты всегда задаешь слишком много вопросов, Грейнджер, — сказал Драко. — Иногда полезных, иногда — совершенно глупых.

— Самый глупый вопрос — незаданный, Малфой, — вновь злилась Гермиона. — Вряд ли ты считал глупым вопрос о становлении Пожирателем смерти...

Звонящая тишина. Она осознала сказанное лишь спустя пару секунд. После нескольких лет отсутствия препирательств, ссор, колких фраз и всего того, что из себя представлял Малфой, её слишком задела его слова.

Гермиона медленно посмотрела на него — взгляд Малфоя выражал злость,

на лице играла маска полного безразличия. Ухмылка, которая некогда украшала его лицо, придавая приятное тепло, испарилась.

Подошёл антракт.

Малфой встал с кресла и уже собирался уйти насовсем. Ведь нужного человека не было. А её слова, напоминание о прошлых, тех самых безрадостных моментах — явно не то, что он хотел слышать. Драко уже был в том возрасте и положении, когда мог не терпеть ситуации, которые его не устраивали. Впрочем, он никогда этого не терпел.

Гермиона подскочила и подбежала к нему, хватая за руку, которая в её миниатюрной ладони казалась огромной.

— Извини, — выпалила она. — Я... просто... — Гермиона пыталась сформулировать мысль, в глазах пылало чувство вины. — Давай начнём сначала?

Гермиона явно намекала на первую часть их разговора.

Он скептически осмотрел вынужденную собеседницу. С одной стороны, он хотел отправиться домой и забыть об этой встрече. С другой — Грейнджер была отождествлением того времени, когда он ощущал себя свободным. Ему нравились её эмоции, начиная от улыбки и язвительных ответов и заканчивая криками о том, что он невиновен в зале суда. Возможно, именно по этой причине он часто пытался задеть её, чтобы увидеть реакцию.

Драко никогда не считал это чем-то вроде подростковой влюбленности, скорее, зависимостью от эмоций человека — ему нравилось вызывать их в ней всегда. Раньше он мог побудить лишь на удручающее чувство — обиду. Но с возрастом начал понимать, что её сконфуженное лицо, растерянность и искренняя улыбка радовали бы его куда больше.

— Пожалуйста, Малфой, — попросила она уже тише. — Я не хотела тебя задеть.

— Твоего острого языка, Грейнджер, мало, чтобы задеть меня, — выделяя последнее слово, ответил Драко. — Я всего лишь хочу заняться своими делами. Не переживай, я скоро вернусь в твоё очаровательное общество.

По его лицу пробежалась ухмылка, и Гермиона слабо улыбнулась. Отголосок ощущения чего-то живого вселился в сердце, отчего ей стало немного лучше.

Порой неважно, испытываешь ты положительные эмоции или отрицательные. Самое худшее, что можно испытать к человеку, — равнодушие, терзающая пустота и ощущение, что ничего не существует. Когда тебе безразличен кто-то, то тебе безразлично его равнодушие, когда для тебя он важен — оно тебя убивает.

Малфой действительно вернулся спустя несколько минут. Прогулочным шагом прошёл по ложе и сел рядом с ней, вновь наблюдая за сценой и Гермионой, которая краем глаза смотрела на него самого.

— Только давай в этот раз без твоего гриффиндорского гостеприимства? — он вопросительно выгнул бровь.

— Только если ты признаешься, что всё это время втайне обожал магловскую культуру, — ухмыльнулась Гермиона.

Малфой прищурился, глядя на неё, и не понял, что же она имела в виду.

Заметив это, Грейнджер нахмурилась, после её взгляд переместился на сцену, а далее — на самого Малфоя.

— Ты сидишь в зале на магловской пьесе, — начала она. — О Мерлин, только не говори мне, что *настолько* жаждал встречи с Гарри.

Гермиона звонко рассмеялась, но сразу же замолкла, когда из соседних лож на неё посмотрело несколько пар глаз. Она приложила ладонь к губам, но всё ещё внимательно наблюдала за Малфоем.

— Даже не могла предположить, что за шесть лет моего отсутствия ты будешь искать Гарри по ломам магловских пьес, — улыбалась Гермиона.

Настоящая, реальная улыбка, такая обычная, не фальшивая. Та, что в девушках он перестал видеть слишком давно, — везде мерещились теории заговора и те, кто желали к нему подмоститься.

— За период твоего отсутствия случилось слишком много, Грейнджер, — ответил он чуть тише, а после взглянул на сцену. — Что за пьеса? Поведаешь?

— Фауст. История о том, как разум обернулся против человека, — ответила Гермиона, улыбаясь некогда врагу, и посмотрела на сцену, где играла великой радости сцена встречи двух влюбленных.

Вечер для них обоих проходил слишком быстро. Время летело, действие продолжалось. А они всё комментировали, обсуждали и оправдывали похожих на них героев.

Трагедия Гёте вновь тревожила умы, но теперь уже волшебников. Только Гермионе и Драко постепенно становилось всё равно, что играли на сцене, о чём рассказывала история и что будет, когда это закончится, — они находились в моменте друг с другом.

Драко всегда стоял за спиной отца, сам никогда не имел ничего и скучал по тому времени, ведь сейчас в его распоряжении было слишком многое. Гермиона раньше получала всё — от статуса до признания — и хотела это вернуть, ведь сейчас окунулась в пустоту. Две души, которые желали получить то, что было у другого, хотя искренне не понимали, к чему это приведёт.

И когда пьеса подошла к концу, они оба продолжали её обсуждать, защищая взгляды, будто сами являлись героями.

— Не отрицай, что существует понятие необходимого зла, Грейнджер, — сказал ей Малфой, все ещё сидя, пока люди постепенно начали покидать зал.

— Это понятие слишком скользкое, чтобы считать его правильным, — ответила Гермиона, вставая со своего места. — Мефистофель толкал Фауста на ужасные вещи.

— Он исполнял прихоти, — Малфой также встал, кивая в сторону входа. — Не сделай этого Мефистофель — мёртв был бы Фауст.

— Фауст и так в итоге оказался мёртв, — она вышла из ложи и обратила внимание на двух волшебников, которые, словно охрана, стояли около входа. — А Мефистофель лишь хотел заполучить его душу, здесь нет ни грамма благородства.

Один из мужчин отдал Драко его пальто, и Малфой пошёл вперед, увлекая за собою Гермиону, которая косилась в сторону шедших за ними волшебников.

— Оказывая кому-то услугу, ты не руководишься благородством. Как правило, лишь тем, что потом можешь получить от этого человека, — произнёс Малфой.

«Я сам делаю именно это — даю людям то, что они так хотят и страстно желают, принимаю их в своем доме, а после взамен прихожу за долгом, когда мне это необходимо. Здесь нет благородства, Грейнджер, ты ищешь его отнюдь не в том мире, хотя, возможно, мы живём в разных».

— Я руководствовалась желанием помочь тебе, когда свидетельствовала в твою защиту, — ответила Гермиона. — И делала это лишь потому, что знала, что ты этого не заслужил, а не потому, что потом хотела забрать с тебя долг. Не все люди так корыстны, Малфой.

В этот момент они остановились у той самой лавочки, на которой она сидела в начале вечера. Гермиона оглянулась на него, смотря в глаза и улыбаясь. Однако её взгляд всё ещё падал на двух мужчин, которые шли по пятам за ними, а до этого передавали Малфою одежду.

Он стал ходить с охраной, может быть, это связано с Тазеттой? Он всегда интересовался чем-то необычным, по всей вероятности, это завело его не в лучший мир.

— Однако у тебя есть такая возможность, Грейнджер, — ответил он. — Ты всегда можешь отправить мне патронус, ведь Малфою отдают долги.

В следующую минуту за его спиной прогремел едва ли не гром. Он даже не оглянулся в тот момент, когда Гермиона смотрела на отель, в котором должна была остановиться.

Показалось, что там произошёл взрыв, люди кричали, выбегали из здания. Несколько волшебников подлетели к отелю, создавая заклинания, а здание... пылало.

Её дыхание перехватило, а в организм стали проникать ароматы гари и сожжённой плоти, хоть она и стояла достаточно далеко от здания. Когда-то она бы бросилась спасать людей, ей было бы плевать, что она пострадает. С некоторых пор Гермиона Грейнджер считала, что одиночество убивает в ней способность к состраданию.

— Что произошло? — одними губами произнесла она, однако, когда вернула взгляд на то место, где стоял Драко, его там уже не оказалось.

Грейнджер поджала губы, понимая, что ей придётся вернуться этим вечером в Нору, хотя... она уже была благодарна тому, как провела время. Кто бы мог подумать о том, что это сложится именно таким образом?

Гермиона старалась идти до Норы прогулочным шагом, чтобы как можно позже добраться до нужного ей дома. Она надеялась, что, придя туда, застанет всех уже спящими и сможет спокойно лечь в кровать, не вызывая вопросов, внимания и в принципе всего того, чего так сторонилась в последнее время. Одиночество было не только вынужденной мерой, но иногда вполне желанной затеей, а порой и сущей роскошью.

Однако, когда она подошла уже чрезвычайно близко, её слуха коснулась музыка, которая играла из дома. В нём горел свет, и даже за несколько метров слышался смех. Гермиона замерла, смотря на дверь, которую совершенно не желала открывать, пока не поймёт, что там может быть.

«Рон? Вернулся? Они отмечают это? Всё-таки решил вернуться в Британию?»

Эти предположения осели на её душе, и Гермиона улыбнулась, быстрыми шагами направляясь прямо в дом. Оттуда пахло пирогами Молли — теми, что так любила вся семья и которыми уже осточертело питаться Грейнджер.

Гермиона толкнула дверь вперед и вошла в помещение, смотря на накрытый стол и всех, кто за ним оказался.

Рона там не было. Зато были Перси, Чарли, Билл, Джордж, все с жёнами. Казалось, вся семья Уизли, за исключением Рона, собралась именно сегодня на празднование торжества. Того... на которое её не пригласили. Виноватый взгляд Гарри кричал о том, что он жалеет о её приходе, подтверждая её мгновенную догадку, что не хотели они побыть одни...

— Миона? Ты что здесь делаешь? — удивился Билл.

— Живу, — отстранённо ответила Гермиона.

Последний раз она видела их всех, когда приехала. В тот день все, мягко говоря, были не в восторге, что их брат не вернулся обратно. Но под взглядами Джинни, Молли и Артура молчали, не разворачивая в Грейнджер всё больше негодования и чувства искренней вины.

— Ты же сказала, что она уехала, — строгий голос Перси был направлен в сторону миссис Уизли. — Вы обещали, что она не переступит больше порог этого дома.

Музыка прекратилась, а напряжение, которое царило в комнате, казалось, можно было потрогать руками. От этого Гермионе стало не по себе и хотелось сгореть — прямо здесь и сейчас. Складывалось ощущение, словно она нашкодивший ребёнок, которого собирались ругать родители.

— Мистер и миссис Уизли разрешили остаться, пока мою кандидатуру...

«Почему ты оправдываешься, Гермиона?»

Разум и давно мёртвая гордость почему-то лишь сейчас начинали кричать навзрыд.

— Вы ей не сказали? — пуще прежнего кричал Перси. — В этой семье лишь я не подвластен чёртовому очарованию этой девчонки?

— Брат, — уже было начал Джордж, но хватило лишь одного взгляда Перси, чтобы он резко замолк.

Сердце начало бешено колотиться: одна теория происходящего была болезненнее другой, и Гермиона уже не желала думать и понимать, что здесь происходит или будет происходить. Однако, судя по взгляду, человек, который когда-то показывал ей Хогвартс, был настроен слишком решительно и бесповоротно.

Перси вышел из-за стола, убрал руки в карманы брюк и остановился напротив уже ошеломленной Гермионы. Все сидели.

— Неужели после нашей встречи по твоему приезду и целого месяца молчания до тебя не дошло? Я поражаюсь тебе, Гермиона, — со злостью начал Перси. — Ты лишила нас брата, а моих родителей — сына! Из-за тебя он сейчас один, неизвестно где, потому что ты — чёртова эгоистка, думающая только о себе и своих родителях, — он развёл руками, его лицо приобрело пунцовый оттенок. — Как у тебя хватает наглости жить здесь, есть их еду, разговаривать с ними после этого? Сколько лет Рон потратил на тебя и твои проблемы? Сколько времени своей жизни он потерял из-за тебя?

Гермиона попыталась оправдать себя, хоть и понимала, что он говорит истинную правду, которую она прокручивала в голове столько раз.

— Рон любил меня, Перси, и...

— А ты растоптала любые его попытки на какое-либо будущее, — продолжил за неё он. — Если они не могут этого сказать — это сделаю я, причём с великим удовольствием, — казалось, каждое слово он буквально выплёвывал ей в лицо. — Ты лишняя здесь, Грейнджер, ты не можешь быть частью этой семьи, и ты сама отсекала все возможности к этому, — Перси сделал несколько шагов ближе. — Все буквально ждут, пока до тебя это наконец-то дойдёт. Или твой мозг окончательно перестал функционировать? Тебя вообще не смутило, что Министерство месяц рассматривает твою кандидатуру?

«Нет. Он не хотел этого говорить, это эмоции, Гермиона, в нём говорит тоска по Рону, Перси бы никогда не стал себя так вести. Ведь именно он помогал тебе с первыми работами, проводил экскурсии и порой подбадривал...»

Но его взгляд кричал обратное, столько злости, ненависти, ещё и добивала тишина. Никто не встал и не собирался вставать на её сторону или даже на его — они были безмолвными зрителями, теми, кто смотрит, но ничего не предпринимает.

— Ты никому не нужна ни здесь, ни в Министерстве, тебя отклонили сразу

же, но почему-то все волнуются, как ты это переживёшь, — сквозь зубы, буквально трясясь от злости, проговорил Перси. — Мы все ждём, пока ты уйдёшь из нашей жизни, пойми ты это уже наконец-то — ты забрала слишком много у этой семьи, все устали испытывать к тебе чувство жалости. Убирайся отсюда.

Третий лишний в жизни Гарри и Джинни, мистера и миссис Уизли, среди каждого мужчины за столом и его женой. Ей не было места на этом празднике жизни, где она могла занять своё почётное звание возлюбленной Рона и не стать изгоем, но судьба распорядилась иначе. Она существовала как человек, который неосознанно встал между двумя, сам того не подозревая и подрывая их отношения.

Гермиона не хотела верить в то, что сейчас услышала, не хотела понимать или принимать этого. Её взгляд метнулся к столу, где все, включая её друзей — людей, которые говорили, что она всегда может на них положиться, — смотрели и молчали.

— Джинни? — прошептала она, но та отвела взгляд. — Мистер и миссис Уизли? — Те предательски поджали губы. — Гарри?

Он был последней надеждой на то, что это всё — ложь. Он был её другом, её опорой. Точно так же, как и она для него. Он не мог бросить, не мог предать — она не желала и не хотела верить в это, но он отвернулся.

Стоило ли задуматься, почему они поступали с ней так после всего? Человеческое сострадание, милосердие и доброта, как и всё в этом мире, имели срок годности. Уизли были готовы продолжать поддерживать её как избранницу сына и брата, а не как чужого человека, от чьих проблем хотелось затянуть петлю на шее. Они устали от неё, а мотивации пытаться с этим справиться уже не хватало. Был ли Рон причиной? Нет. Он был поводом.

Безразличие и желание помочь Гермионе давно иссякли, словно высохший источник в пустыне. Казалось, что, если бы она осталась с Роном, они бы придумали что-то ещё или просто оставили её на попечение сына и брата. Но решение пришло само к ним в руки — что может быть проще для совести, чем бросить человека и обвинить его в том, что он сам отказался от них?

Что же до Гарри... У него действительно был выбор. Он стоял между одинокой подругой, которая нуждалась в помощи и поддержке, и людьми, которые заменили ему семью, растили с детства и являлись близкими его супруги. Гарри Поттер сделал свой выбор, к сожалению Гермионы, не в её сторону.

Она не понимала, откуда в её голосе взялась ледяная хватка, но следующую фразу она произнесла уверенно и строго:

— Вещи забрать можно?

Перси лишь довольно улыбнулся и сделал шаг обратно, указывая ей в сторону лестницы.

Всё произошло слишком быстро, её вещи сами летели в чемодан, а после парили за ней, когда она вышла из Норы и двигалась в сторону Лондона. Ей было уже всё равно, ночь сейчас или нет, может ли на неё кто-то напасть или убить. Нужно было только уединение, побыть одной, осознать то, что случилось, то, во что всячески не хотелось верить или как-либо осознать.

— Гермиона! — издали послышался голос Гарри.

Она обернулась, видя, как тот бежал к ней. Ей хотелось накричать на него, ударить, сказать, насколько ей больно, но в душе осталось только пугающее спокойствие, словно эмоции не желали на неё обрушиваться.

— Возьми, — он протянул ей несколько галлеонов. — Этого хватит, чтобы...

— Нет, — строго ответила она. — Возможно, я пожалею об этих словах, Гарри, — в ней говорила уже не боль или обида, лишь злость. — Но ты для меня мёртв с этой минуты.

С этими словами она аппарировала прочь от Норы, не зная, куда и зачем — ей просто нужно было оказаться подальше от людей, которые её предали. Почему-то, когда она сама обвиняла себя в подобном, это терзало чувством вины, уничтоженным состоянием и жалостью. Но когда эти же слова летели с губ Перси и их подкрепило вселенское молчание остальных, в душе осталась обида. Казалось, что Гермиона понимала возможность этой ситуации, но всячески отрицала то, что она существовала. А когда они подтвердили, буквально втоптали в такую неудобную правду — стало хуже, ужаснее, словно вырвали сердце, а его остатки всё ещё щипали область груди, где уже становилось пусто.

Гермиона встала около того самого отеля, который некогда горел на её собственных глазах. В тот момент она думала о том, что люди, жившие там, остались без крова, и была искренне рада, что ей есть, куда вернуться. И вот она оказалась на этом же месте человеком, которому некуда и не к кому больше пойти. Лавочка, едва ли свежий весенний ветер, звук автомобилей и свет вывесок — всё, на что сейчас ей могло хватить сил и средств. За пазухой, кроме волшебной палочки и одежды, не оставалось совершенно ничего.

Грейнджер присела на холодное дерево, окинула взглядом полуразрушенное здание. Несколько часов назад оно выглядело прекрасно, в тот миг и она была счастлива. А сейчас что здание, что её душа — лишь остатки некогда прекрасного, очаровательного и уже почти мёртвого.

«Ненадолго хватило эмоций от встречи с Малфоем».

В её голову украдкой закралась мысль о том, что он говорил о долге, будто готов ей его отдать — достаточно патронуса. Гермиона поджала губы, посмотрела на древко, вокруг которого были сомкнуты пальцы. Она могла сейчас решить свои проблемы одной фразой, однако... Стоило ли верить когда-то заклятому врагу? Человеку, который всю жизнь уничтожал её. По иронии, именно он стал тем, кто смог вдохнуть жизнь за считанные часы, совершенно недавно.

Возможно, оно того стоит? Они уже не дети — он может ей помочь и хочет это сделать, почему нужно отказываться? Она всю жизнь жертвовала собой

ради других, а когда настала её очередь, они выдержали несколько лет, прежде чем опустить руки. Никто не справился до самого конца с миссией Гермионы Грейнджер, даже она сама.

«Либо я сплю здесь, кочую по улочкам и становлюсь местной забулдыгой из котла, либо прошу помощи у него. Разве есть что-то, что я ещё могу потерять? Семьи нет. Друзей нет. Дома нет. Тех, кто готов был поступиться своими желаниями, как всю жизнь делала я, больше нет — они закончились. Единственным, кто пошёл бы сейчас и помог мне, был Рон, но с него достаточно — рушить его отношения с семьёй я больше не буду».

Гермиона достала палочку, пытаясь воссоздать хотя бы одно хорошее воспоминание. Раньше ей давалось это легче, однако сейчас в голову шли лишь боль, разочарование, ощущение предательства и полное моральное истощение.

«Сегодня. Я могу вспомнить сегодняшний вечер в ложе».

Она прикрыла глаза, и перед ней мелькнули картины с улыбающимся Драко, его глупыми шутками, той наполненностью, которую она ощутила в этот самый момент. Приятная истома начала наполнять тело, словно свет, который проникал от пяток до кончиков волос, такой медленный, приятный и поглощающий. От него хотелось улыбаться, кричать, выплёскивая это на весь окружающий её мир в полной мере.

— Экспекто патронум, — прошептала она, а рука машинально взмахнула палочкой.

Гермиона подняла веки. Она видела светящуюся голубым светом выдру, что скакала около неё, благодарно смотря в глаза. Грейнджер улыбнулась, присаживаясь рядом с ней и пытаясь прикоснуться, — её милое животное, очаровательное создание, которое никогда не отвернётся.

— Передай Драко Малфоя, что нам нужно встретиться на месте, где мы сегодня расстались, нужна его помощь, — прошептала Гермиона.

Выдра кивнула, а после испарилась, оставляя за собой лишь разливающийся тёплый свет, который радовал её хозяйку.

Примечание к части

А вот и первая глава нового детища.

Это работа далась слезами, болью и иногда бессонными ночами на первом этапе написания. И, наконец-то, я могу представить первую главу своей боли и любви - Тазетта.

Глав будет всего 6+эпилог (выйдет в день с 6 главой). Выставляться они будут ежедневно - не переживаем. Следить можно на канале <https://t.me/friendmalfoy> . А теперь...ваши мнения? Мне безумно интересно.

Акт 2 «Свидетель»

Сегодняшний день с Драко и правда стал для неё воспоминанием, из которого можно создать патронус. Не потому, что оно являлось лучшим, а потому, что среди моря боли, пустоты, разочарования и ощущения полнейшей никчёмности был небольшой остров радости, где она могла шутить и быть той, кем всегда хотела, но так и не смогла...

Гермиона присела обратно на скамейку, начиная ощущать холод, который от той исходил. До этого её не волновал данный факт — сейчас она уже обращала внимание на эту деталь: возможно, дело было в том, что она сама уже мертва изнутри, а в тот момент искренне пылала интересом.

Когда в следующий раз она взглянула на работающие часы, то осознала, что ответа не было уже около получаса: ни патронуса, ни совы, ни его самого. В груди начало селиться ощущение, что надежда была всецело ложной. Ей не следовало думать, что из этого разговора, этой встречи и обещаний появилось бы что-то большее. Глупо полагать, что она кому-то была нужна, — слишком грустно, опрометчиво и безрезультатно.

— Мисс Грейнджер? — мужской голос сзади заставил её обернуться.

Гермиона медленно повернулась: перед ней стоял ещё не мужчина, но уже и не юноша, на вид не больше двадцати лет. Одетый во всё черное и с небольшим шрамом, который украшал левую скулу. Она узнала его — он был сегодня с Малфоем, подавал ему одежду, двигался за ним будто тень и исчез так же быстро, как и Драко.

— Мистер Малfoy желает видеть вас в своём поместье, — произнёс он, а после сделал шаг к ней, протягивая руку.

Гермиона оглянулась на свои вещи, а потом недоверчиво посмотрела на ладонь.

— Багаж доставят в целостности и сохранности, не переживайте, — голос спокойный, мирный, сдержанный. — Вы идёте? Он не любит ждать.

Гермиона сглотнула ком, который подступил к горлу, и всё-таки положила руку в ладонь, сильнее сжимая палочку. Через несколько мгновений в теле поселилось неприятное ощущение от только что совершённой аппарации. Ноги её подкосились, а кожа едва ли не вспыхнула пламенем.

Они приземлились возле огромных ворот Малfoy-мэнора, это место Гермиона помнила ещё со времён войны, поэтому замерла. Она разглядывала величественное поместье, когда-то пропитанное злом и её же криками. От этого по коже прошёлся неприятный зуд, и она уже желала сделать шаг назад. Но тот, кто был рядом с ней, лишь подошёл к воротам, проводя по ним ладонью, словно выводя изображение, — и те открылись, а юноша вновь повернулся к ней.

— Прошу, мисс, — произнёс он и сделал шаг от входа, пропуская её внутрь.

Гермиона сжала кулаки, выпрямила спину и вобрала в лёгкие побольше воздуха, уверенными шагами направляясь прямо в логово предполагаемого

зверя. Ветер обдувал шею, создавая вокруг её тела ощущение холода, однако душа пылала, заставляя температуру тела подниматься предельно высоко и не позволяя нормально дышать. Ноги теперь были сродни вате — каждый шаг отдавался в мышцах, а тот факт, что на территории поместья казалось гораздо темнее, чем за его пределами, обескураживал ещё больше.

Она двигалась по мощёной дорожке, слышала стук собственных каблучков, прерывистое дыхание и шаги того, кто шёл позади неё. Этот мужчина словно не вёл человека, а доставлял дорогостоящий товар. Такое обращение пугало, заставляло сердце колотиться в разы быстрее, в горле пересохло, а в голову закралась мысль о стакане воды, которым можно было бы если не напиться, то хотя бы захлебнуться.

— Грейнджер! — довольный мужской голос послышался впереди.

Гермиона посмотрела на лестницу у большой и довольно массивной входной двери. На ступеньках стоял знакомый ей мужчина, на лице его играла искренняя улыбка, руки убранные в карманы магловских джинсов, а чуть свободную футболку трепал холодный ветер.

— Забини? — она удивлённо уставилась на него.

— Нейт, можешь быть свободен, тебя ждёт капо, — строго произнёс мужчина, смотря на того, кто находился за её спиной.

Послышался хлопок аппаратуры, а на лице Блейза вновь заиграла улыбка. Он оценивающим взглядом пробежался по ней, а далее развернулся и толкнул дверь, чтобы войти в поместье. Гермиона неосознанно так и стояла на улице, отчего спустя пару минут Забини выглянул и закатил глаза.

— Останешься на улице? — он вопросительно выгнул бровь.

Она открыла рот, чтобы ответить ему, но так же быстро поджала губы и вошла внутрь. По рецепторам буквально бил запах дорогого огневиски, которым, казалось, мыли пол в этом самом доме. А также шоколадных конфет, которые, судя по всему, находились на каждом сантиметре особняка, настолько этот аромат был концентрирован.

— Опробетчиво гулять в таком платье по Лондону, Грейнджер, — строго произнёс Блейз. — Понимаю, тебе есть что показать, но этот город изменился с твоего последнего появления.

От этих слов её мгновенно бросило в дрожь, а Забини задорно засмеялся буквально через пару секунд. Этот человек не менялся никогда — от этих мыслей веяло теплом и чувством некой благодарности, он не разочаровывал. Возможно, это происходило потому, что она не ждала от него многого.

— Расслабься, это всего лишь шутка, — он развёл руками. — Выпьешь?

— Нет, спасибо, — она отрицательно покачала головой.

— Ах да, — с долей обиды произнёс Блейз. — Сухой закон явно был придуман твоими предками, никак иначе.

Она огляделась по сторонам, пытаясь заметить Драко или кого-либо ещё, однако в поместье, казалось, были лишь они. Не то чтобы она противилась этому, но ночевать ей всё ещё было негде, поэтому Драко, который мог решить её вопрос значительно быстрее, появился бы сейчас очень кстати.

— Где Малфой? Мне нужно поговорить с ним, — она сделала несколько шагов к Забини, а голос приобрёл властные нотки. — Сейчас же.

Вдруг в его руке возник бокал с огневиски, Блейз сделал из того глоток, облизал губы, а после ещё шире улыбнулся. Его никогда не трогали её слова, действия или замечания: он не привык подчиняться, даже в сторону того же Малфоя, собственного друга, всегда отпускал разного плана комментарии.

— Обязательно расскажи мне историю вашей встречи, — указывая на неё, кивнул он. — Видит Салазар, мне интересно, что он сделал такого, что ты сменила вечный гнев на удивительную милость.

— Вот он сам тебе и расскажет, — она обошла Блейза и направилась уверенными шагами в неизвестном ей направлении. — Он вообще здесь?

— Завтра поговорите, Малфой занят, — произнёс Забини. — Второй этаж. Первая дверь слева. Твои вещи уже там.

С этими словами он развернулся и ушел. Гермиона обеспокоенно проследила за его удаляющимся силуэтом, но всё-таки направилась по указанному маршруту. Возможно, это было лучшее решение, ведь Гермионе действительно хотелось лечь в кровать, заснуть и не помнить этот день хотя бы несколько часов пребывания в царстве грёз. Поэтому ночь для неё — любимый период в жизни. Когда не нужно думать.

Гермиона плохо помнила, как уснула, что делала перед сном или о чём думала. Когда её глаза открылись, предела радости не было, ведь впервые за этот месяц она не увидела потолок Норы, не вдохнула удручающий запах и слуха не коснулись знакомые голоса. Здесь всё так же пахло алкоголем и шоколадными конфетами, её тело болело от вчерашних непривычных вылазок, однако она смогла дышать спокойно. Возможно, дело было в размерах особняка, ведь в нём легко можно затеряться, в отличие от дома Уизли. А возможно, после Норы любое место будет казаться раем.

«Не думай об этом, прекрати, Гермиона. Если Малфой сможет помочь хотя бы с поиском жилья и работы — тебе больше не придётся об этом вспоминать. Сейчас есть шанс шагнуть во что-то новое и очаровательное, не нужно идти туда вместе с багажом прошлой боли и ошибок».

Гермиона встала с кровати, пытаясь не думать о чём-то, связанным со вчерашним днём или в принципе последними шестью годами жизни. Она старалась смотреть вперед, думать о том, что скажет Малфоя, как он сможет ей помочь. Ведь, судя по всему, власть его чистокровного рода ни капли не была подкошена, раз в его подчинении всё ещё оставались Забини и те двое, что сопровождали в театр. Это заставило её улыбнуться, поверить, что вчерашняя затея, явившаяся в припадке безысходности, вполне могла выгореть.

Грейнджер вышла из комнаты спустя час после того, как проснулась. По венам словно струились хвалёное гриффиндорское мужество, неисчерпаемое желание показать себя, взять в руки и наконец-то начать жить. Она попробовала вчера с ним побыть живой всего на некоторое время, и ей понравилось это чувство. Гермионе вновь хотелось жить, вырываясь из пучины собственного сознания и желая стать той, к кому так стремилась, или хотя бы попытаться.

Она двигалась по мрачным коридорам Малфой-мэнора, обращая внимание на портреты и пытаясь угадать, в какой из комнат мог располагаться кабинет Малфоя. Гермиона не собиралась ждать и откладывать встречу с ним. Она собиралась искать его.

Гермиона достала палочку, вытянула её перед собой, пытаясь ощутить защитные чары, которые могут быть наложены на дверь. Она всегда думала, что использует защитную магию для своего кабинета, даже если ей нечего будет скрывать — это было ощущение безопасности, то, которого ей так не хватало.

Она шла несколько минут, прежде чем палочка дёрнулась вправо — Гермиона посмотрела на одну из дверей, которая внешне не выделялась от других. Однако на ней лежало защитное заклинание — вероятно, это был кабинет Малфоя, о чём ещё можно настолько волноваться? Тем более бывшему Пожирателю смерти, как бы ей ни хотелось забыть данный факт о нём, он был и существовал, не стоило забывать это. Особенно когда находишься в его доме.

Гермиона постучала по двери. В ответ было лишь молчание. Она выждала несколько минут, прежде чем сделать это снова. Но вновь — ничего.

«Есть ли смысл ждать его здесь, под дверью, или искать дальше?»

Вдруг где-то из холла послышался сдавленный вскрик, а дальше голос Блейза приказал тому молчать. Она заметила, как кто-то двигался вдоль коридора прямо в сторону, где она стоит. Это был страх, инстинкт, которому она повиновалась, когда взмахнула палочкой, открывая дверь кабинета и быстро заходя туда, тихо прикрыв единственную вещь, что отделяла её от неизвестного, что уже прошёл мимо кабинета. Гермиона подпёрла спиной дверь, прикрывая глаза и восстанавливая сбившееся дыхание. Она потёрла веки ладонями, а после осмотрелась — это действительно был кабинет Малфоя.

Всё помещение было выдержано в тёмно-зелёных и чёрных тонах, посреди стоял стол, а за ним — кожаное кресло, напротив находился стул, на нём бы сидел человек, с которым говорил хозяин дома. Пара диванов располагались по бокам комнаты вдоль стен. В самом начале, с двух сторон от двери, виднелись огромные шкафы.

Несколько шагов вперед — и в нос ударили еле уловимые ароматы магловского табака и гари. Шторы плотно задёрнуты, а за спинкой кресла, на котором, по всей видимости, и восседал Малфой, была карта. Подойдя к ней, Гермиона узнала на ней Лондон, однако здесь, в самом начале листа, было слово «Тазетта», а сам город делился на три секции, различённые лишь цветами. Зелёный, серебристый и алый. Гермиона не рискнула предполагать, что это могло значить, однако догадки о том, что он собирался заниматься строительством новых зданий, казались слишком лучезарными.

Линии на карте были выведены слишком аккуратно, словно каждая рисовалась вручную с немислимым трепетом, причём совершенно разными людьми.

— В кабинет! — кричал Малфой.

Гермиона обернулась на звук, сердце бешено стучало, в груди защемило, а тело бросило в жар. Страх лизнул загривок, и она рванула прямо к одному из шкафов, раскрывая тот и залезая внутрь, становясь между пиджаками и пальто.

Дверь с грохотом открылась, и сквозь небольшую щель она могла видеть, что Драко зашёл внутрь, усаживаясь в своё кресло. Его лицо искажали злость, негатив и полная бескомпромиссность. Следом в помещении показался Забини, он подошёл к Малфой и встал по левую сторону, складывая руки на груди. Стук каблуков заставил Гермиону прищуриться, рассматривая двух дам, которые уже располагались на диванах. В них она без проблем узнала Паркинсон и старшую Гринграсс. Последней была мужская фигура в ярко-фиолетовом пиджаке, которая буквально парила в воздухе, что-то щебеча и умоляя.

— Круцио, — после этого слова послышался крик, а далее хлопок двери.

Она мгновенно узнала его даже со спины — Теодор Нотт направлял палочку на левитирующего мужчину, который вскрикивал от боли и умолял о пощаде. Его голос дрожал, отчего Гермиона ухватилась за рукав рядом висящего пиджака, сжимая его в ладонях. Боль, которую она и сама испытывала от этого заклинания, лишь сильнее отпечатывалась на когда-то выведенном шраме.

— Хватит, — скомандовал Малфой.

Нотт прекратил в ту же секунду, словно чёртова марионетка, которая беспрекословно подчиняется своему хозяину. Неизвестный мужчина с грохотом рухнул на пол, тяжело дышал, скрючивался в агонии и шептал о помиловании, спасении, моля самого Мерлина, чтобы это закончилось. Легко можно было предположить, что он уже не соображал здраво: язык заплетался, а голос хрипло произносил «пожалуйста» и «прошу».

Гермиона сглотнула ком, который подступил к горлу. Ей не хотелось предполагать, что здесь происходило и во что она уже успела ввязаться. В данную минуту она лишь молила Мерлина покинуть это поместье невредимой и живой. Человек, в котором вчера она видела спасение, сейчас превращался в олицетворение порабощения.

— Вставай, — сквозь зубы произнёс Тео.

Нотт ухватил неизвестного мужчину за локоть и усадил в кресло, заставляя смотреть прямо на Малфоя, чья челюсть была сжата до предела, доказывая, насколько он зол. Виновник давился воздухом, со спины не было возможности узреть его лицо, но там покоился самый настоящий ужас — она понимала это всем своим существом.

— Я повторяю свой вопрос, Монтегю, — произнёс Малфой чётко, ровно, пугающе уверенно. — Почему распоряжение об отмене поджога отеля не было вчера исполнено?

— Мистер Малфой... — взмолился он.

— Твоим капо был отдан приказ о прекращении дела, с чего ты решил, что можешь его не выполнять? — голос Драко был сродни стали, которая скользила по мягкой ткани, полностью готовая её растерзать.

«Капо? Дело?»

Вопросы в её голове всё больше скапливались, не получая такого необходимого и желанного ответа. Да и вообще, она уже не верила, что они были ей так необходимы.

— Моя жена, она рожала, я должен был...

— Пятое правило омерты, — по слогам произнёс Драко, не желая его дослушивать.

Тот молчал, в следующую секунду Нотт направил на него палочку, и Монтегю закричал от боли. Теодору не обязательно было даже что-либо говорить.

«Невербальная магия».

— Я всегда должен находиться в распоряжении Тазетты, несмотря ни на что, — прокричал Монтегю, корчась от боли.

— То есть ты подтверждаешь, что не способен соответствовать омерте Тазетты? — произнёс Малфой, отрицательно качая головой.

Вопрос был скорее риторический, ведь Драко посмотрел на Нотта и кивнул, отчего Грэхэм вскочил с места, преодолевая боль. Он попытался рвануть к выходу, но в мгновение был остановлен заклинанием. Монтегю рухнул к ногам Теодора, едва ли не целуя его начищенные до блеска туфли.

— Тео! Ты же мой капо! Прошу, спаси меня! Спаси! Я не заслужил смерти! — кричал он дрожащим, полным боли голосом.

Нотт лишь откинул его ногой от себя, словно Монтегю лишь никому не нужное животное. В глазах Теодора играли лишь злость и ненависть — никакого сожаления, отторжения или жалости к тому, кто валялся у его ног.

— Не спасения искать нужно, а прощения, — сквозь зубы произнёс Нотт, направляя палочку. — Авада кедавра!

И на этой секунде Гермиона предательски вскрикнула, а после зажала собственный рот рукой, понимая оплошность. Бездыханное тело Монтегю рухнуло к ногам Теодора, а взгляд Малфоя был обращен к шкафу. Казалось, в этот момент он смотрел прямо в её глаза, отчего мурашки толпами пробирались по её спине. Напоминая, что могут сделать с ней, если даже Монтегю не пощадили.

Дверь распахнулась, и её за руки вытащили и толкнули к стулу. Гермиона упала на пол, прямо около свежего трупа, и с явным страхом в глазах осмотрела всех присутствующих. Она ощущала себя забитым животным на скотобойне, где прямо сейчас из неё должны сделать деловитые остатки, которые принесут

прибыль.

— А она что здесь забыла? — произнесла Паркинсон, смотря на Дафну, которая развела руками и обратила взгляд к Блейзу.

Тот молчал, а Малфой склонил голову набок.

— Грейнджер, почему ты находишься не в своей комнате? — произнёс Драко, смотря прямо в глаза цвета янтаря.

— Комнате?? — вопросительно выгнул бровь Нотт. — Все ведь понимают, что без Непреложного обета она живой отсюда не выйдет?

От этих слов помещение начало кружиться перед глазами: могла ли она предположить, что обычная прогулка по поместью приведет её к этому? Хотя от слов, которые они говорили, того, что произносили, Гермиона уже знала, куда попала, чем стал Малфой, и все фигуры на шахматной доске наконец-то выстроились по порядку в её голове.

Не нужно было много знать, читать или смотреть магловское кино — Пожиратели смерти всегда напоминали ей некую мафию. Однако Малфой и его группировка больше отдавали привкусом классического магловского представления, хотя легче от этого вряд ли становилось.

— Обет? — усмехнулась Пэнси. — Обет дают только те, кто вступает в Тазетту, какой из неё солдат?

Осуждение и явное неодобрение. Паркинсон никогда не питала к Грейнджер тёплых чувств, она, в принципе, ни к кому их не питала. А уж тем более к гриффиндорской отличнице, которую опускала большую часть своей школьной жизни.

— Она участвовала в войне, — заметила Дафна.

— А потом пропала на шесть лет, — развела руками Паркинсон, направляя палочку на Гермиону. — Убить — и дело с концом.

— Это решать не нам, Пэнс, — строгий голос Забини заставил Паркинсон остановиться и со злостью посмотреть в его сторону.

Они говорили, стоя над ней, а сама Гермиона не отрывала взгляда от рядом лежащего трупа. Её пугало то, с какой лёгкостью они убили бывшего однокурсника.

— Все свободны, — произнес Малфой, оглядывая «семью». Они молча направились в сторону выхода. — И мусор прихватите.

Труп взмыл в воздух, и спустя пару минут в комнате остались лишь она и он. Драко в ожидании смотрел на неё. Он ждал, пока Гермиона наконец-то сядет на стул, чтобы он смог начать вести с ней диалог. От этого взгляда ей становилось не по себе.

Она встала с пола, а после опустилась на стул.

— У тебя невероятное желание находить себе проблемы, да, Грейнджер? — он склонил голову набок. — Из всего дома тебе было нужно засесть именно в этом шкафу?

Она же молчала: осознание смерти — того, что она действительно может не выйти отсюда живой, — тонкой нитью прокладывалось в разуме, пускало корни и давало понять, что это не самый худший вариант из возможных. Мафия не вела подобного рода диалоги — это она поняла из книг Марио Пьюзо. Её никто не пощадит просто так — всё стоит платы, которую отдавать она уже точно никогда не будет готова.

— Давай мы просто закончим на моей смерти, Малфой? — голос показался ей чужим.

Драко был удивлён — он привык, что эта девушка всегда борется за жизнь, за то, что ей нужно и необходимо. А сейчас слышать подобное смирение с возможной гибелью было слишком удручающе. Эта мысль разочаровывала Малфоя, который не желал терять её после всего, что смог рядом с ней ощутить до этого и чувствовал сейчас.

— С чего ты взяла, что я убью тебя?

— Исходя из истории, мафия не идёт на компромиссы, — строго ответила она. — Не думаю, что Тазетта — исключение.

Он машинально ухмыльнулся — несмотря на происхождение, Малфой всегда считал её умнейшей ведьмой. Хотя бы в сравнении с её друзьями. Вернулась Гермиона совсем недавно, он и сам это узнал лишь после их расставания — она не могла знать о том, что происходит в Лондоне, под кем он ходит, живёт и здравствует, а следовательно, она поняла это сама.

— Мафия? — уточнил он. — Магловское ругательство?

— Сообщество, которое занимается преступной деятельностью, — ответила она. — Капо, омерта — это всё атрибутика мафиозной истории из книг Марио Пьюзо.

— Пьюзо обладал одним из лучших сообществ магического мира, Грейнджер. — Гермиона выглядела взбудораженной. — Я горд, что после развала его диктатуры лишь Тазетта смогла обрести хотя бы малую долю того влияния в магическом мире.

Гермиона рвано втянула воздух.

— Омертой запрещено разглашать существование мафии, — прищурившись, ответила Грейнджер.

— Или нужно быть уверенным, что это не уйдёт за пределы разума человека, — ответил Драко. — Я должен тебе, Грейнджер, а, как понимаешь, для нас, людей чести, это крайне важно.

«Люди чести» — мафиози действительно считали себя таковыми, что её бесконечно злило. От этого веяло сущим лицемерием — те, кто нарушал закон, считали себя «людьми чести». Она инстинктивно сжала подлокотник, буквально

впиваясь в него пальцами от накатывающих эмоций, которые пробирались под кожу, неприятно обжигая.

— Не ломай несчастную мебель, — улыбнулся Драко. — Дашь мне обет, а после можешь идти на все четыре стороны, — спокойно произнёс он. — И мы в расчёте.

И никогда бы Гермиона не подумала, что будет не рада такому раскладу, ведь если его долгом будет её жизнь — мир всё равно останется прежним. Смысл жить, если ты никому не нужен, у тебя ничего нет, ты ничего не сможешь? Она не видела перспективы. Что одно, что другое было равносильно смерти, только после Авады в голову она уже никогда не будет страдать.

— Не слышу стонов радости и «о Мерлин, спасибо, Малфой», — язвил он.

Драко улавливал взгляд потухших янтарных глаз, которые смотрели прямо на него: отчуждение, пустота, нежелание получить то, что он предлагал.

«И почему она была ночью с вещами посреди Лондона? Что хотела попросить? Быть может, чарующая история гриффиндорской принцессы разрушилась после окончания сказки?»

— Тебе некуда идти, верно?

Гермиона в ответ лишь молчала, а в следующую минуту мозг воспроизвёл фразу ушедшей Пэнси, которая казалась абсурдной, но единственной для спасения души, тела и разума.

«Обет дают лишь те, кто вступают в Тазетту».

«Гермиона, они только что убили человека на твоих глазах, хотят убить тебя, и ты что, действительно хочешь стать одной из них? Окончательно поставить крест на славном будущем? Оно того не стоит, у тебя не получится, ты не сможешь».

— Что он сделал? — неожиданно спросила она, глядя на Малфоя.

— Ты прекрасно слышала, — развёл руками Драко, пытаясь отследить путь её мысли в данный момент.

— Поджог отеля должен был быть отменён, но он этого не сделал? — фраза о необходимом зле была её аргументом, тем, который держался на добром слове, но за который она так отчаянно цеплялась.

Сейчас у неё было два выхода: либо смерть, которую он, по всей видимости, предоставлять ей не собирался, либо предложение о своей кандидатуре. И раз Министерство ей отказало, посчитав её неспособной, значит, она вполне может пойти против него.

Грейнджер уже была готова пересмотреть свои принципы, взгляды, желание найти правильное в неправильном — только бы обрести смысл существования. Она хотела получить цель, дом, место, где тебя никогда не предадут и ты не будешь чувствовать себя виноватым за собственные желания. Как ни странно, но тот исторический образ мафии идеально подходил под понятие подобной

семьи — они занимались всем противозаконным, но вместе.

Прошлая борьба за добро и бескорыстие привели её к тому, что она осталась пустой и одинокой. Без крова, пищи или чего-либо, что можно было назвать минимальным атрибутом не то что достойной, но хотя бы просто жизни.

— Возьми меня в Тазетту, — выпалила она.

Казалось, он даже подавился воздухом, когда услышал её слова.

— Грейнджер, это не внеклассные занятия, — сказал Драко, не подававший виду, что удивлён. — Если тебе негде жить, договорились: я помогу, условия ты знаешь...

— Когда-нибудь тебе будет нужна помощь — и ты придёшь ко мне за долгом, — пародируя Корлеоне, произнесла она. — Я смотрю фильмы и читаю книги, Малфой, — добавила Гермиона. — Но я хочу вступить, и раз ты мне должен — прими меня в Тазетту, а после мы будем квиты.

Впервые за разговор Гермиона скопировала его ухмылку и, перекидывая ногу на ногу, постаралась хотя бы казаться уверенной в своих словах. Ни на долю она не считала, что это верное или правильное решение — оно, скорее, было необходимым и единственным доступным ей в данной ситуации.

— Грейнджер, очнись, — более строго сказал он, после чего подорвался и встал прямо напротив неё. — Ты просишь не учебник тебе одолжить. Если ты сейчас на это пойдёшь — дороги обратно не будет.

Ему не хотелось, чтобы девушка, которая подарила ему напоминание о прошлом, где не нужно было что-либо решать или создавать, стала частью этого. Мысли о ней занимали его голову с их встречи, и он не думал о том, что её лик способен очернить то, чем он занимался последние несколько лет.

— Выход есть всегда, — парировала Гермиона, вставая со стула и делая шаг ближе.

— Разумеется, — наигранно ответил Малфой. — В нашем случае ногами вперед.

Она замерла и только сейчас поняла, что стояла рядом с ним на слишком близком расстоянии. До такой степени, что ощущала его теплое дыхание на своей коже. Драко всегда казался ей чем-то ледяным и непреклонным, однако сейчас рядом с ним её бросало в самый настоящий жар.

— Моя просьба остается той же, — спокойно ответила она, не отрывая взгляда от его лица.

— Ты ведь понимаешь, что нельзя сказать «хочу в ваше сообщество» и войти туда? — очередная попытка отговорить.

— Если скажешь, что путь через постель, у меня вопросы, как здесь появились Нотт и Забини, — нахальная улыбка украсила её лицо.

В мгновение она ощутила, как его ладонь легла на её шею, пальцы

болезненно сжали кожу. Малфой придвинулся, смотря ей прямо в глаза.

— И одно из правил этого сообщества — не дерзить мне, — строгий и полный злости голос.

Гермиона замерла, она не отвела взгляд, лишь продолжила стоять рядом, хотя челюсть начала болеть от его хватки. Драко пытался оттолкнуть, напугать, чтобы она развернулась и ушла — это ведь было так просто, но она не собиралась сдаваться.

— Я могу быть полезной, Малфой, — её последний аргумент.

Он тяжело выдохнул, понимал, что план не сработал. У Грейнджер за годы их знакомства, вероятно, был выработан иммунитет. Поэтому он отпустил её, после чего обошёл стол и сел обратно в кресло, кладя руки на подлокотники.

— Чтобы вступить, тебя должны порекомендовать как минимум трое, — произнёс он. — Я даю тебе время, чтобы найти тех, кто будет готов за тебя поручиться.

«Считай, что это мой жест благосклонности в твою сторону».

— Я могу остаться здесь? — спросила Грейнджер.

— Да, — ответил он, явно не будучи довольным таким раскладом вещей. — А теперь оставь меня и будь так добра — не стань свидетелем чего-то ещё по дороге.

Гермиона улыбнулась и сразу же ушла, пророча себе не что иное, как неоспоримый успех. Она ведь Грейнджер, отличница, ученица Гриффиндора и умнейшая ведьма своего поколения. Настало время, когда это пора вспомнить.

Примечание к части

А вот и новая глава. Я бы назвала её основной завязкой. Гермиона узнала куда попала и теперь ей предстоит убедить всех поручиться за неё.

Зарисовки, подборки, трейлер работы: <https://t.me/friendmalfoy>

Жду ваши впечатления)

Акт 3 «Выход есть всегда»

Каждый из нас чувствует себя живым и настоящим из-за чего-то определённого, важного и увлекающего конкретного его. Последнее время Драко Малфой стал ощущать себя таковым из-за вечно спящей где-то рядом Гермионы.

Иногда ему казалось, что он сидит в пустом обеденном зале, однако уже в следующее мгновение где-то рядом появлялась она, развеивая одиночество. У неё была очередная попытка заговорить с кем-то из его солдат, постараться им помочь или задать ему вопрос. Грейнджер поражала его тем, что даже к вступлению в мафию относилась как к контрольной по трансфигурации.

Она выглядела такой чужой — человеком, который говорит не то, о чём все думают. Это с каждым днём завораживало всё больше. Детская непосредственность и подростковые способы решения применялись в доме человека, по чьему желанию могут сжечь город. Грейнджер напоминала ему прошлое, такое живое время, когда его понимали и могли заставить улыбаться. Так же, как начала заставлять она.

И даже сейчас Грейнджер стояла около входа в холл, ожидая Тео и Блейза. Вчера она несколько часов изучала дело, связанное с ограблением магазина. А сегодня уже готова лично предоставить им обоим идеальную трактовку событий, которая бы не вызвала ни у кого вопросов.

— А я ему говорю: *«Можешь и дальше искать налоги, но мы не Аль Капоне»*, — торжествующе говорил Блейз, идя рядом с другом.

— Привет, ребята, — перед ними в мгновение появилась Гермиона.

Малфой даже убрал свой бокал с огневиски, наблюдая за её очередной попыткой завязать разговор с ними. Мужчины переглядывались между собой: слух о девушке, которая бродит по мэнору, стараясь найти союзников, разлетелся чертовски быстро. Поэтому все участники Тазетты уже знали, каков будет вопрос, а тем более заместитель босса и один из капо.

— Помощь в делах не нужна. Планы уже составил. Над рабочим графиком работаю самостоятельно, — с улыбкой произнёс Теодор, обескураживая её. — Грейнджер, нужно тебе это? Не ломай мою веру в милых и честных гриффиндорцев.

Гермиона сжала губы, тяжело вдыхая воздух через ноздри и мысленно ругая себя за провальную попытку.

— Никто не хочет тебя обидеть, — продолжил Блейз. — Твоё желание влиться умиляет, но здесь требуется другое.

Блейз всегда относился к ней с пониманием, однако чистую и светлую душу представить там, где находились они, было практически невозможно. Он всячески пытался сгладить любую ситуацию, жаль, что получалось далеко не всегда.

— Я ищу нового директора во *«Флориш и Блоттс»*, — ухмыльнулся Тео. — Ты

знаешь, как договориться, чтобы занять это место.

«Да, продать вам душу. Но у меня нет желания оставаться в долгу Тазетты. Я хочу стать её частью, вопрос принципа».

— А что случилось со старым? — она прищурилась, смотря на ухмыляющегося Нотта.

— Куколка, информация не для третьих ушей, сама понимаешь: они лишние, — подмигнул ей Тео.

— Займись чем-нибудь, — Забини огляделся по сторонам, пытаясь понять, в чём она может быть полезна. — Не знаю, — он поджал губы. — Испеки пирог.

С этими словами они прошли мимо неё. Гермиона раскрыла свой блокнот, который держала в руках, и сделала там запись. Драко же продолжал с улыбкой наблюдать за тем, как металась Грейнджер, пытаясь пробить стекло в змеиный террариум. Для него данная картина становилась чем-то вроде магловского наркотика, который медленно затягивал, но ещё не дал о себе знать.

— Тебе бы пошла облегающая форма директора «Флориш и Блоттс», — прокомментировал Малфой, когда Грейнджер вновь подошла к нему.

Она выпрямила спину, сильнее сжала блокнот в своих ладонях и посмотрела прямо в глаза Драко, где горел игривый огонёк.

— Ты только что сделал комплимент моей фигуре? — Гермиона вопросительно выгнула бровь.

Он плотоядно ухмыльнулся, обвёл взглядом миловидное лицо, распущенные волосы, которые волнами опускались на плечи, равномерно вздымающуюся грудь, хрупкие плечи. Ему бы хотелось увидеть её в той форме, и он сам удивился, что его разум стали посещать такого рода мысли.

— Наблюдать за твоими удручающими попытками было бы гораздо веселее, — подмигнул он ей. — А так скучные футболки и брюки — безвкусица.

— Так ты не только искусством увлекаешься, — наигранно поразились она и подошла ближе к креслу, усаживаясь на его подлокотник спиной к Драко. — Расскажешь о новых модных тенденциях?

В последнее время подобные разговоры с ним стали для неё чем-то вроде огня в кромешной тьме. Всегда неоднозначные намёки, на которые она отвечала, а после переводила во вполне безобидные темы. От этого он лишь посмеивался, а Гермиона ловила себя на мысли, что ей нравилась его улыбка.

— Расскажешь о своих успехах? — его рука лежала в непосредственной близости от её бедра.

Она ощутила, как он совсем невесомо провёл пальцем по шву джинсов, но ей хватило, чтобы прекратить даже дышать. Иногда в голову закрадывались мысли, что ни одно прикосновение Рона не вызывало даже доли тех эмоций, что лёгкие касания Драко.

«Тебе нужно работать, Гермиона!»

— Я не сдамся, — произнесла Грейнджер, вскакивая с места и уходя в сторону коридора.

— На это я и рассчитываю, — неосознанно проговорил Малфой, провожая её силуэт взглядом.

Уже не в состоянии здраво мыслить, она быстрыми шагами кое-как передвигалась по мэнору. Идея о вступлении в Тазетту становилась столь же навязчивой, что и идеальная учёба — Гермиона вливалась и уходила с головой в идею. Она чувствовала себя живой после каждой новой проработанной задумки, которую неслась сразу же осуществлять. Это придавало вкус адреналина — сердце трепетало, готовое вылететь наружу, а цель добиться желаемого брала верх.

Не стоило отрицать, что за прошедшие несколько недель она уже кучу раз прорабатывала в голове планы, идеи, затеи, то, что сделает, когда вступит, и что получит. Гермиона скучала по нынешнему состоянию, которое пророчило желание просыпаться по утрам и идти к новым свершениям. И как бы ни было немного стыдно признавать, она всё чаще ощущала на себе взгляд некогда ненавистного ей Малфоя.

В её голову даже закрадывались мысли о том, какие у них могут быть объятия, как бы он себя повёл, что ответил, какова была бы реакция? Гермионе хотелось ощутить его далеко не лёгкие прикосновения. Она пыталась вытеснить эту мысль из головы, но, каждый раз оборачиваясь, Грейнджер видела взгляд глубоких серых глаз, похожих на белое золото. От них тело буквально таяло на глазах и хотелось, чтобы это ощущение не заканчивалось.

Гермиона замерла в тот момент, когда позади неё скрипнула дверь. Оглядевшись, она осознала, что попала в то крыло мэнора, где была всего лишь пару раз. Обычно её встречал Блейз и утверждал, что здесь нечего делать и что ей лучше бы вернуться в основную часть поместья. На тот момент Грейнджер было важно произвести на него впечатление, и она всецело его слушала, однако он ясно дал понять, что не станет тем, кто даст рекомендацию.

Гермиона сделала пару шагов к немного приоткрытой двери и толкнула её вперёд.

— Драко, дорогой, это ты? — мелодичный женский голос заставил её сделать ещё несколько шагов вперед.

— День добрый, миссис Малфой, — сконфуженно ответила Грейнджер.

Нарцисса сидела на небольшом пуфике за туалетным столиком и наносила макияж. Её спина была ровной, волосы идеально уложены, а одежда сидела так, словно сшита именно по размерам дамы.

Услышав чужой голос, Нарцисса обернулась и встала. Она медленно подошла к гостье и с интересом осмотрела, алые губы исказились в доброжелательной улыбке.

— Доброго дня, — произнесла она. — Мисс Грейнджер, верно?

— Да, — кивнула та. — Простите, думаю, мне не стоило заходить сюда.

— Что вы, мисс Грейнджер, оставайтесь, — она склонила голову набок. — Вот уже несколько лет ко мне приходят лишь сын и его приближённые. Я скучаю по новым лицам.

Нарцисса кивнула в сторону мягкого серого дивана, и Гермиона осторожно подошла к нему и медленно опустилась, всё ещё крепко сжимая блокнот в руках. С каждой минутой она сдавливала его всё сильнее, словно в страхе, что эта женщина что-то ей сделает. Однако Нарцисса даже близко не пыталась что-либо предпринять, напротив, она присела рядом, складывая ногу на ногу и беря в руку чашку свежего чая с подноса.

— Нет, спасибо, — произнесла Гермиона, когда ей предложили напиток.

— Вы напуганы, мисс Грейнджер? — Нарцисса сжала пальцами ручку кружки.

— Прошу, зовите меня Гермионой, — кивнула та.

Миссис Малфой прищурилась, а после убрала чашку, откидываясь на спинку дивана, руки она сложила в замок. Она внимательно осматривала Грейнджер, а у той складывалось чувство, что эта была их фамильная черта — Люциус когда-то также вглядывался в её ещё детское лицо.

— Они ещё не приняли вас, не так ли? — лукаво спросила Нарцисса.

Её уже не волновали правила общения, да и тех, кто ниже неё, она никогда не считала теми, с кем стоит их соблюдать.

— Вы знаете, что...

— Мой сын создал уникальную компанию по работе с маглами? — торжествующе произнесла Нарцисса. — Они проводят очень серьёзный отбор для тех, кто желает стать частью Тазетты. Люди до вступления часто бродят с таким же потерянным взглядом, как у вас, по поместью.

«Маглами? Она действительно считает, что её сын не глава мафии магической Британии, а всего лишь обычный бизнесмен?»

— Понимаю, вы обескуражены, — мягко улыбнувшись, Нарцисса положила руку поверх ладони Гермионы на блокноте. — Я посвящена во многие дела сына, он часто приходит и советуется со мной на этот счёт, — мечтательно говорила она. — Мне приносит удовольствие, что, даже будучи запертой в мэноре, я могу повлиять на магический мир.

«Консильери, вот кто она. И впрямь становится самой настоящей систематической, идеально продуманной мафией. Однако кто может знать ответ на загадку, если не главный советник её создателя?»

Гермиона вобрала в лёгкие побольше воздуха — она не могла спросить у женщины подобного. Нарцисса понятия не имела, где находится и кем является её сын. Использовать её для своих целей — низко и бесчеловечно.

Но в противовес этому был аргумент разума — мафия строилась на сделках, просьбах и взаимной выгоде. Здесь отношения такого рода в порядке вещей, и не было ничего предосудительного в том, что Грейнджер воспользуется ими. Именно так она себя оправдывала.

— Миссис Малфой, а могу ли я попросить у вас совета? — осторожно спросила она.

— Разумеется, Гермиона, — кивнула та. — Зовите меня Нарциссой.

Грейнджер улыбнулась — опасение и страх, что та может что-то ей сделать, медленно испарялись, а некое спокойствие и тепло приходили им на смену.

— Я должна убедить троих коллег вашего сына, чтобы они...

— Дали рекомендацию, верно? — улыбнувшись, уточнила Нарцисса, на что Гермиона кивнула, опуская глаза, ведь сама уже перепробовала все попытки. — На твоём месте я бы обратила внимание на Теодора и Блейза: они одни из самых близких друзей Драко, ребята смогут оценить ваши способности по достоинству.

Гермиона раскрыла блокнот, смотря на то количество идей, затей, планов и разработок, которые она приносила им всё время, но это было безрезультатно.

Нарцисса поджала губы, а после потянулась за чашкой чая. Лишь сейчас Гермиона ощутила, что в комнате пахло иначе. Если весь дом был пропитан огневиски и шоколадом, то здесь пахло цветами и пудрой, словно комната являлась совсем другим миром.

— Они отвергают меня, — пожаловалась Гермиона.

— Или ты неверно предлагаешь, — подмигнула Нарцисса. — Существует такая категория молодых людей, Гермиона, которым нужно понимание. Им необходимо видеть, что ты такая же живая и настоящая, как они.

От этого ей легче не становилось, ведь если задуматься об их увлечениях, то она упиралась всё больше в тупик.

— Ты пьёшь огневиски, Гермиона? — Нарцисса вопросительно выгнула бровь.

Грейнджер пробовала его пару раз в жизни, и это заканчивалось несколько плачевно, отчего она перестала его употреблять. Однако в её воспоминаниях всплывали все те разы, когда злободневная парочка выпивала в обществе друг друга, — идея Нарциссы становилась более понятной и осязаемой в мыслях Грейнджер.

— Думаете, пить с двумя мужчинами — лучшая идея, чтобы наладить связи? — уточнила Гермиона.

— Откуда такие мысли? — рассмеялась миссис Малфой. — Мальчики очень порядочные, и дальше разговора по душам навряд ли вы уйдёте, милая. Тем более у них есть дамы сердца.

В данном случае затея действительно имела место быть, даже более того —

она могла помочь Гермионе в осуществлении плана.

— Спасибо, Нарцисса, — доброжелательно кивнула Грейнджер, а немного погодя, спросила: — Возможно, я могу что-то для вас сделать?

Миссис Малфой замерла, её лицо словно потеряло эмоции, когда она повернулась в сторону окна, всматриваясь в серые краски бытия. А после, облизнув алые губы, вновь взглянула на Гермиону, словно её слова были чем-то важным.

— Вы бываете за пределами мэнора, милая? — спросила Нарцисса.

Гермиона кивнула ей в ответ.

— Принесите мне свежую колдографию с изображением солнца, — попросила миссис Малфой. — Это лучшее, что вы можете для меня сделать.

Гермиона слабо понимала, о причине просьбы, однако не стала расспрашивать.

— Конечно, Нарцисса.

— И оставьте просьбу между нами, — просила та.

Гермиона уже была готова ответить, когда очередной скрип заставил её обернуться: Малфой стоял в дверях комнаты своей матери. Его руки покоились в карманах брюк, а вопросительный взгляд направлен на Грейнджер, которой явно не должно было здесь быть ни при каких обстоятельствах.

Гермиона встала с дивана и, попрощавшись с Нарциссой, вышла прочь из помещения, стремительно направляясь в сторону своей комнаты. Она не хотела слушать то, что мог сказать ей Малфой.

— Милая девушка, — улыбнулась Нарцисса. — Как думаешь, она ещё придёт?

— Уверен, мама, уверен.

Когда Грейнджер услышала идею миссис Малфой, решила, что та — сущей воды бред. Когда она вернулась в комнату и прокрутила эту мысль в своей голове ещё раз — это уже казалось вполне реальным и даже приемлемым. В момент, когда она шла из кухни с тремя бутылками огневиски, задумка была правильной и необходимой. Она пыталась подружиться со слизеринцами тем же образом, что искала внимания Когтеврана или Гриффиндора с Пуффендуем, — старалась помочь. Однако змеиный народ был явно не тем сословием, которое могло оценить подобное рвение.

Гермиона плохо понимала, как данная затея могла ей помочь, к чему привела бы, но состояние безрыбья тянуло на самые дурные мысли. Тем самым оно приводило её в гостиную, где обычно ровно в восемь вечера сидели Теодор и Блейз. Гермиона поставила бутылки на столик перед диваном, а после налила в одинокий бокал несколько капель.

Она посмотрела на часы — Нотт и Забини должны были появиться здесь с минуты на минуту.

«Если идея не выгорит — это тупик, и я понятия не имею, что мне делать дальше, поэтому она должна — нет, обязана — получиться».

— Пить в одиночестве — первый признак зависимости, Грейнджер, — пропел Нотт.

Он обошёл её со спины и сел в кресло напротив, беря в руки бутылку и рассматривая её. После удовлетворительно кивнул и налил себе в бокал, Блейз появился спустя пару минут, также садясь рядом с другом.

— Неужели гриффиндорская принцесса устала и решила спиться прямо в нашей гостиной?

— И мы с тобой наблюдаем столь увлекательную картину из первого ряда, — подмигнул ему Тео.

— Мы будем пить или разговаривать? — невинно произнесла Гермиона, склоняя голову набок, и посмотрела на них.

Они оба переглянулись и даже встали, послышался звон соприкасающихся бокалов, а следом — смех и шуточный разговор, который был необходим, чтобы поддержать атмосферу.

Никто из троих не понял, как беседы стали переходить грани, в какой момент алкоголя стало больше, а время продолжало течь всё быстрее. Казалось, мир остановился ровно в этой комнате вместе со временем, его ощущением и какими-либо другими событиями. Были лишь они втроем — говорящие, смеющиеся с дурных шуток и вспоминаящие странные истории с их участием. На несколько минут в памяти Гермионы возникли картинки прошлого: то, как она ходила с друзьями в *«Три метлы»*, как они выпивали и также смеялись.

Однако их уже с ней не было, а напротив сидели двое некогда врагов, которые являлись важными членами преступной группировки. Они отнимали жизни, творили беззаконие, но при всём при этом располагали её всё больше. В один момент она потеряла мысль, из-за которой затеяла план.

Почему принесла алкоголь и кто вообще сказал ей сделать так, стало неважно. Ведь она сидела в обществе тех, кто ничего от неё не требовал и не обещал, лишь помогал жить моментом. Чувствовать мгновение всеми фибрами души и отпускать прошлое, словно балласт, который лежал на дне океана и не позволял ей всплыть к солнцу.

— В этом и есть ваша гриффиндорская проблема, — пояснил Теодор. — Вы пытаетесь быть честными, благородными, а после разочаровываетесь, когда понимаете, что никому не сдалось ни первое, ни второе, — он развёл руками. — Люди вроде Поттера, Маклаггена становятся такими, как мы, а вроде тебя — страдают от разрушенных надежд.

Он сделал очередной глоток. Если раньше для него она была местной отличницей, которая хотела попасть в Тазетту, словно для галочки, то теперь он

видел ту боль, что сидела под улыбкой и попытками найти смысл жизни. Она напоминала ему самого себя в прошлом, несколько лет назад.

— Во что тогда верить, Тео? — спросила Гермиона. — Когда твои идеалы разрушены, ты оказался один и не видишь смысла жить дальше.

— Запомнить, мисс Герм, — он ухмыльнулся, облакачиваясь на собственные колени, — выхода нет только из могилы, остальное ты можешь изменить, — Тео сделал глоток. — Или хотя бы попытаться.

Она поджала губы, наливая себе остатки огневиски.

— Такие сообщества, как ваше, означали семью, — она посмотрела в их глаза. — Вы лишились своих, поэтому вступили в эту?

— Выход есть всегда, — усмехнулся Забини, повторяя слова Нотта. — Если ты потерял семью — создай новую, лучшую, преданную и важную. Отдайся ей, чтобы она тебя приняла.

Гермиона осознавала его слова, ведь после войны именно это и случилось с детьми Пожирателей смерти. Они все потеряли семьи, остались в одиночестве, и что могло быть для них важнее объединения? Они нашли выход, создали Тазетту, вот почему в неё настолько сложно было попасть. Слишком важно, чтобы пускать каждого.

Через пару минут, когда она выбралась из собственных мыслей и взглянула на собеседников, но они уже о чём-то шутили, забыв о ней.

«И снова. Третья лишняя».

Гермиона встала с дивана и двинулась в сторону выхода. Немного не дойдя до него, она остановилась, вновь проговорив в голове их слова. Гермиона понимала, что, даже если она не останется здесь, нестрашно, ведь, как учил Тео, *выход есть всегда*. Если она потеряла всё, она же и должна всё создать, возродить из пепла, словно феникса.

— Общество любителей огневиски, — она оглянулась на них, видя улыбки.

— Грейнджер, ты пьяна, — сказал Блейз.

— Возможно, поэтому то, что я сейчас вам скажу, искренне, — Гермиона пожала плечами. — Спасибо.

Мужчины приподняли бокалы, улыбаясь ей, и лишь после этого она спокойно ушла в свою комнату — *пока что свою*.

Утро следующего дня началось для Гермионы с того, что в дверь постучали и передали, что она в скором времени должна явиться в кабинет Малфоя. У неё даже не было мыслей, зачем и почему он хотел её видеть.

Вместе с тем Гермиону поразило, с каким спокойствием она собиралась, а

после шла в сторону злополучного помещения. Вчерашний разговор с Блейзом и Тео дал ей веру в то, что мир не закончится здесь, он будет существовать и дальше, её задача лишь правильно себя в нём возродить.

Два коротких стука и глухое «войдите», после чего она толкнула дверь и зашла внутрь. Инстинктивно она села напротив Драко и посмотрела на его вечно уверенное, моментами злое и всё ещё сохраняющее для неё очаровательные и притягательные черты лицо.

Отрицать она устала точно так же, как и бороться. И уже неважно, что он скажет, если нужно будет уйти — она это сделает. Выйдет в никуда, построит жизнь, возможно, согласится на вакансию директора «Флориш и Блоттс». Вся суета становилась такой неважной, когда в разум просочилась нить надежды и закончилась бесконечная погоня.

— Сегодня утром ко мне пришли твои вчерашние «друзья», — грубо произнёс Малфой, — и порекомендовали мне одну строптивую, очень целеустремлённую и умную ведьму.

Янтарные глаза вспыхнули светом радости оттого, что миг назад она услышала. Кажется, у неё даже задрожали руки, а рот приоткрылся в немом крике радости. Искренняя улыбка украшала лицо, в душе словно вырос цветок надежды и веры в то, что всё ещё не потеряно. Хоть она уже и успела похоронить идею.

И как бы Гермиона ни верила в то, что всё может закончиться сейчас, — она была рада, что этого не произошло. Готовиться необходимо к худшему, а надеяться на лучшее — отличный способ решения всех проблем.

— То есть мне остался лишь один волшебник? — уточнила она, глядя в его глаза и видя там отдалённое одобрение и толику злости.

— Умеешь считать, похвально, — ответил Малфой. — Даже любопытно, Грейнджер, каких бы ещё своих принципов ты поступила ради вступления?

— На что вы намекаете, мистер Малфой? — она старалась вести себя уважительно, следовать правилам Тазетты, однако столь неоднозначный намёк заставил её злиться.

Драко пожал плечами, словно ни на что не намекал, но в его голове фраза звучала совершенно точно. Она всё ещё, несмотря ни на что, оставалась для него чем-то светлым, хорошим, полной его противоположностью. И мысль, что при должной мотивации она могла не только выпить, но и лечь под любого, кто согласится, злила его, раздражала.

Драко был параноиком и перестраховщиком, который способен скрывать данные аспекты. В делах Тазетты этот тандем его качеств был победой, но в жизни сулил лишь боль.

Малфой всегда прогнозировал самое худшее, самое ужасное и отрицательное, поэтому даже не подумал, насколько его слова могут обидеть невинного человека. А раз она не была ему безразлична — он предполагал самое худшее.

— Возможно, вы были правы, — Гермiona встала со стула.

«Не бойся сделать шаг назад, не теперь, не больше, здесь не закончится всё. Да, будет ужасно и обидно. Но если Малфой думает так, являясь здесь и законом, и властью, и судом, возможно, лучше и правда уйти».

Задевали ли её его слова в принципе? Нет. Порой неважно, что говорят, какие ругательства, намёки и действия делают, — важно, кто это творит и пророчит. И по какой-то непонятной для неё причине именно от него данные мысли причиняли боль.

После того вечера на Фаусте Гермiona считала, что он изменился. Да, у него были разного рода острые шутки, но он бы никогда ей такого не сказал. Впрочем, те же Уизли неоднократно делали такие намёки, особенно когда приезжали в Австралию...

И вновь. Третья лишняя между ним и его эго — ей показалось, что он особенный, по крайней мере, вёл себя иначе, чем другие, с ним было комфортно, но сейчас он делал шаги всё в тот же строй.

— В чём же?

— Что мне не стоит здесь находиться, — ответила она и отвернулась, собираясь уйти.

— Я не отпускал тебя, — строгий голос резал по ушам, и она взглянула на Драко. — Ты всё ещё в доме, где я устанавливаю правила.

— Доме? — она усмехнулась. — Я вернулась в город, где ты устанавливаешь правила, Малфой.

— Уже «ты»?

— Уже «как хочешь». Могу идти?

Он заметил во взгляде горсть обиды, возможно, даже задетую гордость.

Гермiona стояла, ожидая ответа, ведь для того, чтобы жить в этом городе, теперь придётся считаться с ним. Как бы обидно ей ни было, отрезать себе любые пути к дальнейшему существованию являлось глупостью.

— Неужели грязного намёка хватило, чтобы вывести из себя такую сильную Грейнджер? — попытался веселиться он.

Она поджала губы, сжала край кофты и осмотрела ещё раз его кабинет — тот самый, где когда-то увидела смерть. В нём её должны были убить те, с кем она вчера проводила хорошо время, где он предлагал ей помощь...

— Ты ведь думал, почему я оказалась в ситуации, когда решила отправить патронус тебе? — Он не отвечал. — У тебя на лице это написано, Малфой, и я отвечаю, — она сделала несколько шагов к нему и положила ладони на стол, смотря в глаза. — Я шесть лет пыталась вернуть память моим родителям, пыталась сделать что-то для себя, но у меня ничего не получилось.

Он видел, что в её глазах стояли слёзы, впервые наблюдал, как Гермиона Грейнджер была на грани истерики только из-за слов; даже когда она лежала здесь на ковре — такого себе не позволяла.

Малфой заметил, как за её спиной открылась дверь: на пороге стояли Дафна и Пэнси, он назначил им встречу, однако сейчас они обе замерли, ведь голос Грейнджер срывался на крик.

— И когда мои руки опустились, я вернулась сюда, прожила месяц у людей, которые убеждали меня в том, что мы семья, что они помогут и поддержат любое моё решение, но только это всё оказалось ложью, — пальцы едва ли не царапали крышку стола. — Меня выкинули, обвинив в том, что я хотя бы раз в жизни подумала о себе.

А далее — мгновенное молчание, словно она ещё раз обдумывала, стоит ли говорить то, о чём она думала. Выдохнув, она продолжила:

— Мне действительно некуда идти, Малфой, у меня нет никого в нашем чёртовом мире, и Тазетта впервые за шесть лет дала ощутить себя живой, как раньше.

Казалось, в его глазах мелькнула растерянность.

И если раньше Гермиона бы сделала всё, чтобы он не увидел, что смог её задеть, — теперь она была готова кричать. И именно эта разница сейчас рыла пропасть между ними.

— Но раз ты так старательно не хочешь меня здесь видеть, опускаешься до подобных намёков, заставляешь бегать и просить, чтобы мне дали это место, то мне оно не нужно, — она выпрямилась, в глазах стояли слёзы, которые вот-вот уже готовы были скатиться. — К вечеру меня не будет, не переживай. Я зайду, чтобы дать обет, как ты и предлагал.

Она развернулась и замерла, видя перед собой двух капо, которые уставились на неё с некой жалостью.

Опять чёртова жалость.

— Дайте угадаю, — она смотрела им в глаза. — Я не вписываюсь в ваш прекрасный дуэт, где третьему места нет?

Она не дождалась их ответа: ей было абсолютно всё равно, что они сделают или скажут — жестокая обида уничтожала её.

Гермиона буквально вылетела прочь из кабинета, желая сделать то, что вчера обещала, и уйти отсюда, возможно, навсегда. Ведь выход был. По иронии судьбы именно те люди, которые её отталкивали, дали эту несчастную наводку. И она при должной трактовке стала для Гермионы неким облегчением, хоть оно и было болезненно.

Вечером Гермиона находилась на пороге комнаты миссис Малфой.

Нарцисса стояла около окна, за которым была лишь серая реальность, покрытая сущим мраком. Её взгляд наполняла искренняя тревога — она переживала, нервничала. Это выдавали чрезмерно ровное положение тела, словно отрепетированное, и рукав платья, который она всё время сжимала между пальцев.

Нарцисса не видела Гермиону, будучи в собственном мире и мыслях. Казалось, что она бы не обратила внимания, даже если бы на месте Грейнджер стоял давно мёртвый Люциус Малфой собственной персоной.

«Что успело случиться за такой короткий срок, что она начала настолько нервничать и переживать? Или... она изначально была такой...»

— Нарцисса...

Та обернулась в мгновение ока, её взгляд приобрёл пелену спокойствия, лицо словно покрылось невидимой маской умиротворения, а поза приняла расслабленные черты. После данных изменений Гермиона поняла: миссис Малфой всегда находилась в состоянии беспокойства, однако отказывалась это показывать.

— Гермиона, милая, проходи, присаживайся, — ответила Нарцисса и жестом указала на небольшую кушетку. — Чаю?

— Позвольте отказаться, — недоверчиво произнесла Грейнджер и протянула колдографию, которую обещала вчерашним днём.

Нарцисса смотрела несколько секунд на снимок в руках Гермионы и потянулась к нему. Но в последний момент её ладонь замерла буквально в паре миллиметров. Складывалось ощущение, что она опасалась брать то, что сама и попросила. Это вызывало в Гермионе всё больше вопросов.

— Всё хорошо? — несмело уточнила она.

Однако миссис Малфой всё ещё не осмеливалась взять в руки колдографию, чем пугала Гермиону.

— Я... — промолвила Нарцисса. — Да, всё отлично.

Лишь после этих слов снимок оказался у неё, и она взглянула на него так, будто не видела ничего подобного очень много лет. В разуме скользили мысли, понимание, осознание и исчерпывающая боль, которая терзала изнутри.

Спустя несколько минут уголки губ Нарциссы подались выше, окрашивая лицо самой искренней и доброжелательной улыбкой, которую можно было только представить.

— Благодарю, Гермиона, — произнесла она, не выпуская снимок из рук. — Вы не представляете, насколько он важен для меня.

Грейнджер легко улыбнулась и встала с кушетки, обходя Нарциссу и вглядываясь в колдо. Она смутно полагала, что именно могло привести миссис Малфой в места детский и непосредственный восторг.

— Вероятно, я выгляжу безумно странно, — произнесла та и посмотрела в глаза цвета янтаря. — И впервые в жизни мне нет до этого дела, — Нарцисса качнула головой. — Я вновь вижу очаровательное сияние, которое столько лет могла наблюдать за воротами Уилтшира.

Грейнджер поджала губы, борясь с желанием спросить, что такого в обычной колдографии. На ней изображено то, что Нарцисса могла увидеть в любой момент, лишь перешагнув порог. Впрочем, Гермиона уже не была уверена, что могла.

— Ты же знаешь о дьявольских силках, верно? — уточнила миссис Малфой, подходя к туалетному столику.

Она поставила снимок рядом с колдографией Драко и Люциуса, словно это было для неё столь же важно, как и семья.

— Я встречалась с ними в школе, — пояснила Гермиона. — Отвратительные путы.

— В Хогвартсе обитает лишь их безобидный вид, — произнесла Нарцисса, смотря на своё бледное лицо сквозь отражение. — В дикой природе они имеют шипы, которые пропитаны ядом. Он проникает даже в самую чистую кровь.

Её рука легла на живот, нежно его поглаживая, словно там было что-то чрезвычайно болезненное и уничтожающее.

— Драко получил метку в назидание за ошибку Люциуса, когда тот разбил пророчество, — Нарцисса облизнула губы. — Но Волдеморту показалось мало, он отправил меня на задание в один из лесов северной Англии, где обитают дьявольские силки.

Её взгляд был пустой, сосредоточенный, наполненный слезами, словно она прямо сейчас проживала тот момент нахождения в лесу. Хотя почему «словно»? Она проживала его каждый день своей жизни, не желая жить и существовать никогда.

Единственное, что держало Нарциссу в мире, где она стала заложником собственного дома, — сын. Ребёнок, у которого после её смерти не останется никого. Миссис Малфой никогда не думала, хорошая ли она мать, однако всегда старалась сделать так, чтобы он был счастлив. У неё не было желания жить с тех пор, как она осталась в этом доме семь лет назад, но все равно просыпалась каждый день ради него.

— Их яд заразил мою кровь, сделав такой любимый мной солнечный цвет моей персональной отравой. Луч солнца заставит меня пылать заживо, как только коснётся кожи, — прошептала она, поджимая губы.

— Поэтому на территории мэнора...

— Нет солнца, — ответила Нарцисса. — Болезнь начала прогрессировать уже после победы, и Драко создал все условия, чтобы я могла жить.

«Но такая жизнь уже давно была мне не нужна, язык не поворачивался

сказать ему об этом. Ведь он так старался, так бился ради меня».

— Мой сын — не лучший человек в мире, Гермиона, — Нарцисса обернулась. — Он делал, а возможно, и делает до сих пор ужасные вещи, говоря мне, что работает с маглами, — она горько улыбнулась, отрицательно качая головой. — Однако крики, которые я слышу порой в стенах дома, не похожи на счастье.

— Почему вы поддерживаете его ложь? — всё ещё не понимала Грейнджер.

Нарцисса медленно подошла к ней, беря её руку в свою, и погладила, смотря на линии жизни.

— Я мать. И буду любить своего сына, даже если весь мир будет против него, — проговорила Нарцисса. — Настанет день, когда меня не станет, и я хочу верить, что у него будет человек, который сможет заботиться о нём так же, как способен он.

— Зачем вы мне это говорите? — не выдержала Гермиона.

Нарцисса тихо рассмеялась, отпуская её руку.

— Последние несколько недель он задает мне вопросы о том, что означает тяга к человеку, желание видеть его, радовать, — доброта и понимание наполняли глаза миссис Малфой. — А вчера, когда ты вошла сюда, я получила ответ на свой вопрос.

Гермиона осеклась, не желая понимать сказанное, ведь это означало остаться.

— Сегодня он спросил, что делать, если ты обидел девушку из-за собственных чувств.

Грейнджер не хотела верить в слова миссис Малфой. Для неё Драко сегодня стал злом, которое собиралось её оболгать, и именно от него она уходила прочь и не собиралась больше возвращаться.

Но сердце и душа буквально кричали о том, чтобы остаться, а слова Нарциссы лишь подогревали их оборону, ломая всяческое сопротивление сознания. Вечная борьба, где Гермиона впервые не знала, какую сторону выбрать: чувство или разум. Разум привел её к пустоте, а чувства отдавали лишь болью.

— Я не прошу падать ему в ноги и прощать все грехи, — голос Нарциссы стал твёрже. — Но если то, что происходит с Драко, хотя бы немного обоюдно — дай ему шанс. Не потому, что я об этом прошу, а потому, что ты потеряна, а он готов помочь.

Грейнджер не знала, что ответить, но понимала, что от переизбытка эмоций ей нужно остаться в одиночестве. В противном случае она сделает то, о чём потом вполне может пожалеть. Её сердце буквально готово было вырваться и прибежать к нему в объятия. Ощутить наконец-то силу и мощь рядом с собой, перестать бояться её и наконец овладеть в полной мере.

Она попрощалась с Нарциссой и вышла из комнаты, оставляя женщину в

одинокости.

Миссис Малфой медленно подошла к колдографии и посмотрела на неё. Вновь искренне улыбаясь и с трепетом поглаживая ту, такую живую. Солнце на ней было таким же, как она помнила.

Гермиона буквально неслась по коридору мэнора с некой мольбой добраться до комнаты как можно скорее, словно если она не поспешит — случится что-то непоправимое.

И оно произошло — Гермиона врезалась в широкую грудь, в нос ударил аромат огневиски, а взгляд уловил чёрную ткань рубашки. Грейнджер знала, кто перед ней, но не хотела поднимать глаз — после слов его матери всё стало слишком очевидно и от этого более пугающе.

— Нужно поговорить, — властным голосом произнёс Драко.

Она подняла на него взгляд.

— Я не обязана...

— Ты всё ещё в моём доме, Грейнджер, — напомнил он. — Я не прошу делать что-то противоестественное твоим святым принципам, всего лишь разговор.

Она слегка кивнула и последовала прямо за ним, видя перед собой напряжённую спину мужчины, который, казалось, был уверен абсолютно в любом своём действии. Это пугало и интриговало, заставляло задуматься, что именно её ждало в предстоящем разговоре, к чему он приведет и каково будет его содержание.

Они застыли перед одной из комнат. Здесь был не его кабинет или её спальня, она никогда ещё не видела этого места. Лишь невольно предполагала, что его смело можно было назвать покоями.

Драко толкнул дверь и пропустил её внутрь — Гермиона неуверенно вошла и осмотрелась, когда оказалась посередине помещения.

Там стояла большая двуспальная кровать с изумрудным покрывалом, пара кожаных диванов, несколько кресел, аналогичных оттенку тёмно-зелёных стен. Массивный книжный шкаф, пара столов, а также камин, в котором горел огонь, отапливая покои.

Температура в комнате поднималась, и ей стало душно: она ощущала, как жар приливал к щекам, а сердце готово упасть в ноги.

— Что ты хотел? — Гермиона резко развернулась к нему, смотря в лицо.

— Пэнси и Дафна дали тебе рекомендации, — произнёс Малфой. — Завтра вечером состоится обряд твоей инициации. Будут все, кто тебя порекомендовал, — он сделал паузу. — И я.

— С чего ты взял, что после сегодняшнего я ещё собираюсь вступить в Тазетту? — она сложила руки на груди крестом и с вызовом посмотрела на него. — Может быть, меня устраивает Непреложный обет и поворот в любом

направлении компаса?

Он начинал злиться — жилка на его шее пульсировала, кроткое движение выделялось в свете камина, ведь, кроме него, комнату ничего не освещало. От этого в голову начинали проникать мысли: каково было бы прикоснуться к его шее губами, почувствовать его кожу в желанной близости...

— Ты несколько недель носилась с этой идеей, словно она экзамен, — он сделал шаг ближе. — И ты действительно теперь хочешь отказаться?

— Меня не устраивает руководство, — хмыкнула она. — Едва ли льстит, что на мою долю приписывают эскорт.

— Раньше тебя мои слова так не волновали, — парировал он уже злее.

Драко не любил быть неправым. Поэтому каждый раз, оказываясь в таком положении, начинал злиться, желать, чтобы ему пошли на уступки и сделали то, чего он хотел.

— Что изменилось, Грейнджер? — он стоял уже непростительно близко.

Его глаза наливались эмоциями — живыми, настоящими, теми, которые она так грезила увидеть. Все воспоминания вспыхнули в её голове картинками: ложа, его смех и их разговор. Что он хотел о ней позаботиться — и ему было всё равно, что случилось. Множество моментов его смешков, иногда подбадриваний и шуток касаясь её попыток вступить в Тазетту. Сегодняшний разговор и то, что произнесла Нарцисса, а самое главное — его слова сейчас. Драко волновало то, что она не останется, он желал, чтобы она была здесь, с ним.

Её сознание сдало позиции окончательно. Вместо ответа Гермiona смело, совершенно непохоже на себя, скользнула рукой на его затылок, вторая ладонь легла на мужское плечо, и, заметив его удивлённый взгляд, она коснулась его губ своими. Слишком мягко, почти целомудренно, нежно, словно в страхе, что он её оттолкнёт, скажет, чтобы она убиралась.

Гермиона отшатнулась спустя пару секунд, смотря на его обескураженное выражение лица и горящие глаза. Она была готова поклясться, что он улыбнулся ровно за мгновение до того, как обрушился на её губы с новым поцелуем.

И если её прикосновение словно спрашивало разрешение — его всецело забирало остатки самообладания. Большие ладони удерживали её лицо, а губы требовательно выцеловывали каждый уголок рта, проникая языком в него, поглаживая нёбо, проводя по идеально ровным зубам, ловя тяжелые вздохи, слушая сбивчивое дыхание. Чувствуя пьянящий вкус шоколада, который ела она, и огневиски, которое пил он. Это был аромат особняка, две несовместимые вещи, как они, однако дающие вместе удивительное сочетание, сводящее с ума и разбивающее душу на осколки.

Гермиона касалась своими руками его запястий, цепляясь, удерживая, словно не желая более отпускать, отвечая на поцелуй с самоотдачей, подобной удару молнии. Она желала остаться с ним, и больше ничего не было нужно, абсолютно никаких действий, уговоров и нареканий. Всего лишь он рядом с ней, то, чего так отчаянно хотел сам Драко, чего требовала тёмная душа и очернённое сердце. Они жаждали израненного, но удивительно тёплого и

светлого сердца, а оно было лишь у неё.

— Ты избавила себя от последнего пути отступления, — прошептал он ей в губы.

Малфой опустил ладони на её талию, забираясь ими под свитер, и сжал в руках её мягкую кожу, отчего Гермиона рвано втянула воздух.

— Я избавила себя от него, когда вошла в ложу, — ответила она в такт ему.

Гермиона опустила руки на его ладони, проводя ими выше, вверх по мышцам, доходя до плеч и прижимаясь к нему всем телом. Она вытягивала из Драко последние крохи самоконтроля.

— Так что изменилось? С каких пор тебя волнуют мои слова?

— С тех, когда я захотела поцеловать тебя, — и она вновь подалась вперед, желая ощутить привкус алкоголя и опьяняющее общество Драко Малфоя.

Примечание к части

Одна из моих любимых глав по многим причинам. Появление Нарциссы и поцелуй Драмионы)

О новых главах также можно узнать здесь <https://t.me/friendmalfoy>

Безумно жду ваших мнений

Акт 4 «Власть»

Гермиона боялась даже представить, что именно должна сделать на «обряде инициации». В её представлении посвящение в подобные организации должно происходить с участием убийств, ограблений. Чего-то вопиюще ужасного и полностью противозаконного. Но в дом сегодня никого не приводили, никто никуда не собирался. Лишь ближе к обеду ей сообщили, что необходимо прийти в кабинет Малфоя.

И вот она стояла напротив злосчастной массивной двери, которая когда-то открыла ей дорогу в Тазетту.

Ей верилось, что физически и морально она будет готова ко всему, ничто не сможет выбить её из колеи, застать врасплох или подвергнуть чему-то отрицательному. Гермионе Грейнджер казалось, что она уже перенесла самое болезненное, что было только можно. Однако с учётом того, что она до сих пор всё хорошо помнила, — едва ли пережила.

Если ты смог что-либо отпустить и забыть — к этому не возвращаешься, ведь уже вынес урок, сделал выводы и поклялся приложить все усилия, чтобы ничего не повторилось.

У неё же слабо выходил данный «трюк». Каждый раз ощущая себя некомфортно, Гермиона возвращалась к подобным мыслям снова и снова. Они были будто навязчивый диалог, готовый растерзать сердце и разорвать душу. Боль не хотела отпускать столь соблазнительную жертву. Ведь Грейнджер была готова мучить себя и дальше. Всю оставшуюся жизнь без намёка на мир, спасение и отторжение столь нелицеприятного гонения за прошлые ошибки и действия.

Сейчас же в голове она продолжала прокручивать омерту — свод правил, который должна будет соблюдать до самой смерти.

«Нельзя подойти к другому члену группировки и сказать: «Я тоже с тобой». Вас всегда должен представлять кто-то третий», — эти слова ей говорил Драко утром, когда выбирался из постели.

«Запрещено заглядываться на супругов кого-то из членов группировки».

В тот момент Гермиона, обнажённая, стояла позади него. А Малфой с довольной ухмылкой рассматривал её через зеркало.

«Не допускай, чтобы тебя видели в обществе авроров», — утверждал он, когда Гермиона застёгивала ему рубашку.

«В клубы и бары, которые нам не принадлежат, ходить запрещено», — скучающе говорил Теодор, когда они шли по коридору Мэнора.

«Наш долг — всегда находиться в распоряжении Тазетты», — ворковала Пэнси, откидывая одно из платьев в сторону и продолжая крутиться перед зеркалом.

«Всегда являйся на назначенные встречи вовремя», — утверждала Дафна,

надевая золотую серёжку и улыбаясь сидящему в кресле Теодору. Гермиона ощущала себя неуютно в обществе этой пары.

«С супругами нужно обращаться уважительно», — твердил Блейз, отдавая очередной приказ солдату.

«Всегда говори правду в кругах семьи», — говорила Паркинсон у выхода из гардеробной, надевая украшения.

«Нельзя присваивать деньги, которые принадлежат другим членам Тазетты или их родственникам», — подмигнул ей Тео.

«Мы не сотрудничаем с властями», — твердил Забини.

«И последнее, милая. В Тазетту не могут входить лица, чьи близкие родственники служат в Аврорате, те, кто изменяет своему супругу или супруге, и тот, кто ведёт себя дурно и не соблюдает нравственные принципы», — произнёс Малфой, целуя её в лоб и выходя из собственной комнаты.

Гермиону пугало, что она подписывалась едва ли не кровью под всеми этими словами и обязанностями, которые должна будет соблюдать.

Она в последний раз взглянула на записку с заученным текстом клятвы, а после сглотнула ком, который стоял в горле, и толкнула дверь вперед. Всё было готово: те, кто поручился, находились там, посреди комнаты. С одной стороны Пэнси и Дафна, с другой — Тео и Блейз, во главе стоял Драко, держащий в руках портрет, накрытый белой непрозрачной тканью. Гермиона не осмелилась предположить, что там.

— Гермиона Джин Грейнджер, — начал Малфой, в его глазах пылала радость вперемешку с искренней болью. — Сегодня ты вступаешь в Тазетту и даёшь клятву на крови. — Она заметила, как в руке Забини блеснуло лезвие. — Тем самым ты обязуешься...

Он выдохнул, а следующей заговорила Дафна, смотрящая в её глаза так, словно Гермиона делала шаг в могилу:

— Хранить преданность и верность Тазетте с этой минуты и до собственной смерти.

Чётко, строго, словно сталь.

— Соблюдать омерту и нести ответственность за любые действия, совершённые тобой, — продолжил Нотт.

Его голос дрогнул на мгновение.

— Отпустить своё прошлое, забыть тех, кого считала друзьями и семьёй, — добавила Пэнс.

Она произнесла свои слова более жестоко, чем остальные, словно намекая, что этот шаг должен быть обдуман.

— Подойди сюда и вытяни руку, — потребовал Забини.

Гермиона сделала несколько шагов и встала прямо напротив Драко, протягивая ладонь Блейзу, который держал лезвие ножа.

— Последний шанс отказаться, — строгий голос Малфоя явно был не похож на тот, которым он говорил с ней вчера, ночью или утром.

— Ни за что, — ответила Грейнджер и ощутила, как её палец укололо остриё.

Ткань спала с портрета, и Гермиона увидела на нём всех тех, кто был ей дорог. Уизли были изображены все вместе, а около них стояли Гарри Поттер и её родители. Всё её прошлое находилось в единой картине жизни, и она уже не хотела предполагать следующий этап.

Блейз капнул её кровью на портрет, а после тот лёг в её ладони, палочка Забини коснулась его всего раз, а далее послышалось тихое:

— Инсендио.

Рамка вспыхнула в её руках, а следом напуганный взгляд упал на Драко. Сам Малфой хотел забрать у неё портрет, пройти испытание снова ради неё, но понимал, что иначе она не отпустит прошлое. Каждый проходил инициацию огнём и похоронами своей предыдущей жизни на собственных глазах. Все искренне считали, что это очищало, не позволяло больше помнить о мёртвом, словно отмоленные грехи, только сожжённое прошлое.

Гермиона ощущала, как жар подбирался ближе к ладоням, убеждая отпустить рамку, но она не делала этого. Лишь смотрела на изображённых людей, которые суетились, и через мгновение услышала их дикий крик. Портрет кричал и молил о помощи голосами когда-то близких ей людей, обжигал её пальцы, принося невыносимую боль, а оттого, что она переносила его из руки в руку, становилось лишь хуже. Но тело не начинало гореть.

На неё давила реальность — прошлое, будущее, настоящее, — заставляя пылать изнутри самым ужасным и яростным огнём. словно она была той самой ведьмой на костре несбывшихся грёз и разбитых вдребезги надежд. Гермиона хоронила себя на собственном кладбище, не зная, что принесёт новая жизнь и чем она будет чревата. Понятно было лишь одно — как раньше уже не будет.

— Клятва, — строгий голос Забини был слышен где-то на задворках сознания.

В горле пересыхало, хотелось кричать, плакать, просить остановиться и не позволить портрету разрывать её душу на клочья, а огню — уничтожать тело. Но она могла проговорить лишь заученный текст, должна была сказать лишь его и больше ничего.

— Пусть моя плоть горит, словно моё прошлое на этом портрете, если я не в состоянии соблюдать обещание, данное Тазетте, — она не слышала и не осознавала, что кричала слова, надрываясь.

Портрет догорал в её руках, всё ещё принося ужасную боль и заставляя ноги подгибаться в попытке рухнуть здесь и сейчас на пол. Без возможности возродиться фениксом из пепла. Ведь он мёртв, окончательно и безвозвратно,

единственное, что возродится, — змий-искуситель, сотканный из боли, прощания и смерти.

— Гермиона...

Словно очнувшись, она взглянула на свои обожжённые и уже пустые руки — на них виднелись ожоги, волдыри и кровь, раны саднили. Она тяжело дышала, голова не желала о чём-то думать, а осознание, проникая тонкой нитью, лишь уничтожало.

Оглянувшись, Гермиона поняла, что рядом уже никого не было, лишь Драко стоял напротив неё, смотря взглядом, полным боли, сожаления и скорби. Она не предполагала, что увидит подобное в свою сторону будучи живой.

Грейнджер вновь посмотрела на руки и уже было огляделась, чтобы найти палочку, но Драко сделал несколько шагов к ней. Он провёл древком по ладоням, которые вновь обретали здоровую и чистую кожу, словно никаких ожогов и не было. Она благодарно улыбнулась.

Малфой аккуратно взял её запястья, оплетая их собственными пальцами, и пригнулся, оставляя едва ли весомые поцелуи на болезненных местах. Словно извиняясь, заглаживая вину, искренне умоляя о таком необходимом прощении. Ему было жаль, и впервые от данного чувства в её сторону ей не хотелось кричать.

— Ты тоже проходил обряд? — вопрос, который волновал её немного больше собственных переживаний.

Ведь все они смотрели на неё с такой толикой понимания, что хотелось сгореть на месте вместе с портретом. Означать это могло лишь одно — каждый стоял на её месте когда-то, возможно, слишком давно, но это всё равно оставалось слишком свежим в памяти.

— Нельзя требовать от других то, что не смог сделать сам, — ответил он.

— Кто был на твоём портрете?

Мужчина замер, не желая говорить. Но, понимая её чувства, то, насколько Гермиона была обезоружена и сломлена собственным выбором, ответил:

— Отец.

Гермиона кивнула, а после подошла ближе, прижимаясь к его телу, кладя голову на грудь и вздыхая. Одинокая слеза, которая катилась по её щеке, говорила о смерти старой Гермионы и возрождении новой, однако почему-то она видела лишь похороны.

Ирония, что Грейнджер так хотела оказаться в его объятиях, но едва ли сейчас они приносили ей такой желанный трепет — они становились необходимостью морального состояния.

— Боишься? — с ухмылкой спросил Нотт.

— Предпочитаю другие места для развлечений, — замялась Грейнджер, придирчиво оглядывая улицу.

— Это какие же?

Тео достал из внутреннего кармана пиджака портсигар, а после предложил Гермионе. Она прищурилась, смотря в ответ на собеседника, он лишь пожал плечами и зажал сигарету между зубами, убирая футляр на место.

— Инсендио, — произнесла она, касаясь палочкой табака.

Тео благодарно кивнул и сделал затяжку. Дым сразу же заставил Гермиону отвернуться и заметить своё отражение в витрине магазина. На несколько мгновений от этой картины ей стало дурно — слишком резко её жизнь приобрела тёмный окрас ночи.

Ещё три месяца назад она была подругой Избранного, ложилась спать вовремя, и единственное место, куда могла пойти, — кухня. Сейчас же Грейнджер стояла около магического клуба — на каблуках, в коротком чёрном платье, с распущенными волосами и ярким макияжем — в компании курящего Теодора Нотта, который убеждал её, что пора выбираться из поместья и вникать в дела Тазетты.

Она слабо представляла, что именно будет нужно делать, однако Капо уверял, что её «милое личико» не пострадает. Нотт всегда использовал слишком много уменьшительно-ласкательных слов, которые больше походили на издёвку. Дафна, как правило, оправдывала это «стилем общения» и убеждала, что заигрывает он совершенно по-другому.

— Например, «Три метлы», — пожала плечами Гермиона.

Тео рассмеялся, делая очередную затяжку и отрицательно качая головой.

— Тебя в таком наряде даже в Хогсмид не пустили бы, — веселился он. — Пора взрослеть и посещать куда более интересные места.

Теперь усмехнулась уже Гермиона.

— И с каких пор значный клуб в центре магического Лондона стал интересным местом?

— С того момента, как выручка значительно упала, а цены выросли, — осведомил её Нотт.

Гермиона свела брови к переносице и скрестила руки на груди, делая пару шагов ближе к нему, не обращая внимания на дым.

— Хочешь сказать, что без меня ты не можешь понять, что тебя дурят?

Ухмыляющийся Нотт бросил бычок на землю и затоптал его ногой, убирая руки в карманы брюк и смотря в янтарные глаза.

— Мало сказать, Грейнджер. Нужно доказать, а в идеале — поймать в момент совершения, — веселился Теодор. — Этим ты сегодня и займёшься.

Он двинулся к бетонной стене, а после прислонил к ней палочку, проговаривая необходимое заклинание. Несколько кирпичей исчезли, и открылся проход. Тео протянул руку к нему и посмотрел на Гермину.

— Дамы вперед.

Она вдохнула побольше воздуха и прошла внутрь, где уже было предельно жарко. Они находились в некоем коридоре, из которого была слышна музыка, а в воздухе витали ароматы алкоголя и табачного дыма. Она обняла себя руками, всё ещё теряясь в новой атмосфере.

— Нам туда, — произнёс Тео и кивнул вглубь коридора.

Он пошёл первым, а Гермину следом за ним. Помещение освещалось лишь несколькими свечами, оставляя за собой полумрак. Сам же пол и стены были обиты одним и тем же — тёмно-зелёным материалом, поэтому звук шагов Гермину и Тео почти не слышался.

Спустя пару минут они вышли в сам зал, где музыка значительно была по слуху непривыкшей Грейнджер. А развязную атмосферу, казалось, можно было потрогать руками. Огромное количество людей танцевали, кричали, выпивали и курили — от этой картины её разум медленно стал расплываться перед глазами, а голова начала тяжелеть.

— Мистер Нотт! — довольный голос послышался сбоку.

— Привет, Стефан.

Рядом с ними появился мужчина в костюме и с бутылкой огневиски наперевес — он пожал руку Тео, а после посмотрел на Грейнджер.словно волк, оценивающий свою добычу, он прошёлся взглядом снизу вверх, останавливаясь на бёдрах и груди, которые были стиснуты платьем.

— Полагаю, нам стоит пообщаться в моём кабинете? — спросил он. — Думаю, дама может отлично провести время в ложе.

Стефан кивнул в один из углов зала, где на диванах расположилось несколько девушек в откровенных нарядах. Они хихикали, о чём-то переговаривались и зазывали к себе волшебников, сродни сиренам в море.

— Не менее отлично она его проведет с нами, — подмигнул Нотт.

Он схватил бокал огневиски с подноса мимо проходящего официанта и сделал оттуда пару глотков, а после направился вдоль стены к другому коридору. Гермину и Стефан шли следом за ним, словно верные провожатые, которых ведут в ловушку к зверю. Однако вскоре Грейнджер осталась одна, а хозяин клуба нагнал Тео, тихо разговаривая с ним.

— Мне льстит, что вы выбрали именно нас для встречи, — говорил он. — Уверю, мисс Гринграсс ни в коем случае не узнает.

Когда тот произнёс последнюю фразу, все трое уже зашли в кабинет, а Нотт кивнул Гермione на рабочий стол.

— Любопытно, — ухмыльнулся Тео, оборачиваясь к Стефану. — А её измены ты будешь покрывать с таким же энтузиазмом?

Стефан застыл на месте, его глаза округлились, а бутылка едва ли не выпала. Теодор сделал ещё глоток огневиски и поставил бокал на стол, подходя ближе к Гермione, которая уже держала в руках одну из папок.

— Это важные документы, на них защитное...

Однако Грейнджер шепнула заклинание, и папка сразу же ей поддалась. Гермione лениво перелистывала страницы, придирчиво разглядывая цифры.

— Для неё нет закрытых дверей, — ответил Нотт.

Хозяин клуба лишь расслабил галстук и поставил бутылку на стол, медленно опускаясь в кресло напротив. Тео стоял, убрав руки в карманы брюк, и через плечо наблюдал за действиями Гермione.

— Слишком простая защита для столь важных документов, не находите, мистер...

Она подняла на него взгляд и вопросительно выгнула бровь.

— Костадинов, — пробормотал он.

В ответ Гермione лишь хмыкнула, аккуратно переворачивая лист и обращая внимание на середину страницы.

— Я считала, в Дурмстранге преподают лучше, — высокомерие в её голосе становилось всё заметнее.

Нотт внимательно наблюдал за сложившейся картиной и в душе даже радовался, что Стефан сумел задеть самолюбие Грейнджер. Буквально на глазах из добрейшей принцессы светлой стороны она превращалась в демона, который медленно затягивал удавку на шее своей жертвы.

— Как вы...

— Ваше имя и фамилия говорят сами за себя, мистер Костадинов. Вы из Болгарии, — ответила Гермione, продолжая листать документ. — Большая вероятность, что заканчивали именно Дурмстранг.

Тот ей уже ничего не ответил, а лишь внимательно наблюдал за тем, как её проворные пальцы тянули одну папку за другой. Она ловко снимала его заклинания и подробно изучала каждый лист, отчего Стефану становилось нехорошо. Сегодняшний вечер он явно собирался провести иначе и не был готов к столь доскональной проверке.

— А вы, простите? — подал голос он спустя время.

— Не имеет значения, — произнесла Гермione. — А вот факт замены мебели

каждые две недели — вполне себе, — она подняла на него взгляд. — С каких пор дерево стало так быстро портиться?

Стефан проглотил ком, который подступил к горлу.

— В клубе часто происходят драки...

— Возможно, — с этими словами она положила открытую папку прямо перед ним, указывая на цифры в стоимости. — Вы их заказываете в Антарктиде, где нет деревьев? Иначе я не могу понять, откуда такая стоимость.

Тео еле удавалось побороть улыбку, которая так и норовила оказаться у него на лице. Он и сам давно видел, что Стефан переходит границы, и собирался разобраться с ним. Но приказом Малфоя было чётко сказано — «*посвящать Грейнджер*», на тот момент Нотт не мог и предположить, что она настолько идеально впишется в его замысел.

— Это всё маглы, — махнул рукой тот. — Понимаю, чистокровные редко работают с ними, но могу вас заверить, что выбираю лишь самое лучшее для клуба. Он — престиж, в том числе и Тазетты.

Гермиона тепло улыбнулась, складывая ногу на ногу.

— Значит, маглы и их цены, да? — она склонила голову набок.

— Совершенно верно. Клуб выполнен в лучших традициях прежде всего маглов, сами понимаете, какая сейчас политика, — пояснил он. — Поэтому далеко не всё можно найти на магическом рынке.

Где-то в душе её ситуация лишь веселила. Власть отдавала ей привкусом правды и издёвки. Гермиона знала, что его слова — ложь, и её невероятно удовлетворяло, что она может медленно перекрывать ему кислород, ломая все пути к отступлению своими вопросами. Чувство дурманило рассудок, затмевая жалость к человеку, который улыбался им в глаза и врал на каждом шагу.

— Я практически всю свою жизнь живу на два мира, мистер Костадинов. И могу уверить вас, что осведомлена о магловском рынке недвижимости, — папку она закрыла.

Он смотрел на неё несколько секунд, не отрываясь, прямо в глаза. А после подскочил на месте и обратился к Тео.

— Вы знали ведь, да? — тихо говорил он. — Я всё отдам, мистер Нотт, — твердил Стефан. — Помутнение, деньги, они меня заморозили. Я не хотел этого делать, уверяю вас, что всё верну.

Однако Нотт лишь отрицательно покачал головой, а после положил ладонь на плечо собеседника.

— Решать, что дальше, будем уже не мы, — спокойно произнёс он.

Стефана бросило в жар, его глаза метались из одного угла в другой, пытаясь найти выход. В это мгновение Гермиона шепнула заклинание, предполагая, что он может сделать.

— Прошу вас, обещаю, этого больше не повторится, мистеру Малфою не нужно растрачивать себя на таких, как я.

— И он вынужден заниматься подобным, — пожал плечами Тео. — Из-за таких, как ты.

И после сказанных слов Костадинов попытался аппарировать. У него это не получилось, и он сразу же взглянул на Гермиону, понимая, кто успел наложить заклинания.

— Чёртова девчонка! — он хотел кинуться на неё в ту же минуту, когда она выставила перед собой палочку.

— Остолбелей!

Стефан рухнул на пол, а Тео лишь довольно ухмыльнулся. А после взглянул на Гермиону и пару раз хлопнул в ладоши.

— Вот же какой бывает Грейнджер, — произнёс Нотт.

Гермиона же встала с кресла, одёргивая платье. Она обошла Костадинова и встала посреди кабинета, снимая антиаппарационные чары.

— Не люблю, когда меня приравнивают к девушкам лёгкого поведения, — ответила она и поправила волосы, смотря в зеркало. — А уж тем более принимают за любовницу...

Утром следующего дня Гермиона сидела в библиотеке, читая одну из книг и греясь у камина. Её ноги были вытянуты и лежали на подставке, а длинные волосы раскинулись по плечам. Однако разум был всё дальше от книг и всё ближе к суровой реальности и воспоминаниям вчерашнего вечера в клубе.

Грейнджер всячески отрицала причину, по которой наслаждалась чужой ложью. Но факт оставался таковым — ей нравилось чувствовать власть над чужой судьбой в собственных руках, и за это она себя осуждала. *«Старая Гермиона никогда бы не поступила так, как поступила она вчера»*, — мысль крутилась в голове. *«Та, которая уже мертва?»* — параллельно ей шла другая, которая всячески опережала.

Гермионе было слишком сложно свыкнуться с тем, что она вступила на ту дорожку, которая будет расходиться с её представлением правильного и неправильного. Чёрное и белое закончилось, когда сгорел портрет, остался лишь серый мир. Когда на каждое действие было логическое объяснение, и решать, верно оно или нет, ты уже не мог. Лишь принять решение, которое либо загубит, либо оставит чью-то жизнь.

Власть была желанна и вместе с этим искренне пугала.

— Всегда знал, что, попади ты на Слизерин, мы бы свернули горы уже давно, — произнёс Малfoy.

На её плечи опустились мужские руки, сжимая их, тем самым посылая по телу приятную истому. Гермиона сразу же убрала книгу и положила свои ладони поверх его, запрокидывая голову и встречаясь взглядом с Драко.

— Так значит, проверял мои способности? — она вопросительно выгнула бровь.

— Не всё же тебе здесь сидеть.

Малфой обошёл кушетку и сел рядом, кладя руку на плечи Гермионы и накручивая её локон на палец.

— И что же ты предполагал? — ухмыльнулась она.

Драко провёл пальцем по её нижней губе, смотря в янтарные глаза, которые горели интересом.

— Что тебе понравится власть, — ответил он. — Ты всегда пыталась ею завладеть.

— Завладеть? — она задорно рассмеялась.

А после, заметив его взгляд, который гулял по её лицу, внимательно рассматривая, искренне, немного по-детски улыбнулась.

— Властью над кем-то я уже завладела, верно? — моргнула она.

Он же молчал, прикасаясь к её коже, волосам, понимая, что сможет сделать подобное ещё тысячу раз. Это была обоюдная власть. У неё над ним, у него над ней. Они явно воспринимали отношения немного иначе, чем другие.

— В следующий раз ты пойдёшь с Дафной. Увидишь жестокую игру, — ответил Драко.

Через неделю Гермиона уже находилась в лондонском порту, лицезрея, как корабли стоят у пристани. Отплывать сегодня явно не стоило: туман затянул всё вокруг, и дальше двух-трёх метров рассмотреть перед собой что-либо было практически невозможно. Она поправила пальто и провела руками по плечам, пытаясь понять смысл слов Малфоя, когда он отправлял её сюда.

«Дафна и Тео — две стороны одной медали. Один жнец смерти, второй творец страданий. Когда смотришь на них — осознаешь, что человека определяет лишь он сам, а не то, какое он производит впечатление».

Нотт всегда казался Гермионе местным шутником, однако, придя в Тазетту, она увидела его истинным котом, а не змеем. Он играл с жертвами, словно с мышами, загоняя их в ловушку и наслаждаясь тем, как сыпались их стены.

Дафна же была загадкой — эта девушка всегда выглядела чрезмерно спокойной и сдержанной, порой напоминая ей Малфоя. Если Пэнси была готова

вцепиться зубами в обидчика, то Гринграсс с каменным лицом могла накладывать трёхсотый Круциатус. Ни грамма эмоций во время работы, суровый расчёт.

— Долго будешь здесь стоять? — произнесла Дафна, вставая рядом с ней.

— Начало ровно в семнадцать, — заметила Гермиона.

Она закатила рукав и посмотрела на часы, где до назначенного времени оставалось около пяти минут.

— Лучше прийти на три часа раньше, чем на минуту позже, — ответила ей Гринграсс.

Развернувшись, Дафна быстрыми шагами направилась к воротам склада, где они собирались совершить приём «товара». Были слышны лишь стук её каблуков о деревянный причал и свист ветра, в воздухе оставался еле уловимый аромат приторных духов.

Грейнджер ещё раз осмотрелась по сторонам и, убрав руки в карманы пальто, направилась в здание. Как только она вошла внутрь, тело пробрал мороз, даже на улице не было столь прохладно — от этого она поправила воротник и прошла дальше, туда, где стояли Дафна и несколько солдат.

— Мисс Гринграсс, вечер добрый, — довольно произнёс один из них.

Гермиона встала позади самой Дафны, наблюдая за тем, как контрабандисты ставят перед ней огромный деревянный ящик. На нем расположилось несколько надписей и штампов, указывающих разные страны, через которые тот доставлялся. Грейнджер боялась предположить, что именно находилось внутри, но понимание, что то было опасным, просочилось в разум стремительно.

Капо достала свою палочку — вновь, отличительная черта Дафны коснулась разума Гермионы. Гринграсс на все дела носила перчатки — чёрные, кожаные, в любое время года и погоду.

Дафна заведовала портом так же, как и своей частью Лондона. Поэтому все поставки, которые поступали по душу группировки, всегда были на ней. Следовательно и товар, который приходил, был обязан быть ею проверен.

Верхняя крышка отлетела в сторону, и Гринграсс убрала свою палочку, совершая шаги ближе к ящику и вытягивая оттуда небольшой флакон с зельем. Она придирчиво рассматривала его, приподнимала, чтобы на него падал небольшой свет от Люмоса.

— Ручаешься за качество? — она склонила голову набок.

Её золотистые волосы и бледная кожа были подобны точёному мрамору — элегантные и красивые. Но если споткнуться — можно истечь кровью.

— Доставили точно из Египта, — с ухмылкой ответил ей один из солдат.

Он был их возраста, с усами, в шляпе-котелке и дорогом костюме. Глаза маленькие, словно у мыши, а улыбка отвращала даже доброжелательную

Грейнджер.

— Ты ведь знаешь, что Тазетта не прощает ошибок, Феликс? — ответила Дафна, смотря в его глаза.

— Я хоть раз подводил вас? — с ухмылкой спросил он.

— Не нас, — ответила Гринграсс.

Гермиона заметила, как улыбка с лица мужчины испарилась в то же самое мгновение, тело напряглось, а спину он выпрямил. Капо протянула ему флакон, смотря прямо в глаза и наблюдая за тем, как его начинает бить мелкой дрожью.

— Выпей, — произнесла она, Гермиона внимательно наблюдала за ситуацией.

— Предпочитаю другой вид...

— Я сказала — пей, — строго добавила Дафна, но он всё ещё стоял на месте, и она вытянула палочку. — Империио.

Двое, что пришли с ним, сразу же подорвались к своему «главному» в тот момент, когда солдаты Тазетты кинули в них оглушающие, и контрабандисты замертво упали. Гринграсс обошла ящик и всучила в руку Феликсу напиток. Было заметно, как в его глазах пылал страх, но он не мог противостоять её заклятью и, открыв флакон, выпил зелье до последней капли.

Прошла пара минут. Мужчину начало трясти, из горла вырвались крики, а кожа, словно в огне, покрывалась волдырями и ожогами. Дафна же продолжала стоять около него с идеально ровной спиной, её руки сзади были сложены в замок, сама Гринграсс ожидала окончания представления.

Гермиона ощущала сущий ужас, наблюдая за тем, как на их глазах человек умирал, словно в него кидали несколько заклятий сразу. Он кричал, пытался молить или просить, но изо рта шёл только душераздирающий вопль. И Грейнджер не могла понять точно, что её пугало больше: происходящее с ним или откровенное спокойствие собственных сторонников.

Его муки прекратились через несколько минут. Грейнджер всё ещё стояла, даже не двигаясь, предательски наблюдая за тем, как жизнь покидала его.

— Тело убрать, товар уничтожить, — произнесла Дафна, переступая через свежий труп, а после оглянулась на Гермиону. — Ты идёшь?

Она кивнула и последовала следом за Гринграсс. В ушах всё ещё звенел крик ужаса, а капо шла как ни в чём не бывало и уже отправляла кому-то патронус о встрече в баре.

Словно смерть — обычное дело...

И если на следующий день после «прогулки» с Тео Гермиона пылала радостью, то после «путешествия» с Дафной она была напугана и местами

разбита. Грейнджер отторгало то, насколько спокойно вела себя Гринграсс в совершении собственных действий. Феликс пытался продать им яд, подставить Тазетту и убить не один десяток людей — он заслуживал наказание, но то, как это сделала некогда однокурсница, было другим.

Казалось, что она наслаждалась его смертью, получала от неё удовольствие и силу, ощущала ту самую власть. Однако Гермиону больше прельщали методы Нотта, чем его возлюбленной, и она понимала данный факт.

— Дафна отличный палач, — произнёс Малфой.

Грейнджер взглянула на него: он стоял около двери её покоев, а после двинулся к ней, сидящей напротив камина.

— Не замечала в ней такой жестокости в школе, — ответила Грейнджер, подбирая ноги под себя.

Он сел на пол, откидываясь спиной на диван и вытягивая руку к Гермионе. Она, словно котёнок, придвинулась ближе и положила голову на его плечо, обнимая торс.

— Мы все потеряли после войны себя и семьи, — ответил он. — Гринграссы заняли позицию невмешательства, они не вставали на сторону Лорда. За это те, кто не был ещё пойман после битвы, убили Асторию и их с Дафной родителей прямо на её глазах.

Драко говорил это спокойно, ни капли сожаления, лишь голые факты. Грейнджер сглотнула ком, который подступил к горлу. Малфой обнял её одной рукой за талию, а второй поглаживал ладонь, что покоилась у его ребра.

— Они убили бы и её, если бы Тео не подслушал план отца. Он пришёл поздно, чтобы спасти всех, но смог вытащить только её и бросить Аваду в мистера Нотта, — завершил Драко.

Гермиона знала, что Тео не любил отца и был рад его смерти. Она понимала, что именно поэтому он играл с жертвами, как когда-то играли с ним, предпочитал данную власть. Дафна же теряла весь свой мир на собственных глазах и не могла ничего с этим сделать, она привыкла видеть мучения, поэтому обожала власть над жизнью. Теперь Грейнджер понимала и это.

И ими обоими руководил тот, кого она уже любила. Тот, кто постоянно выводил её на эмоции, на кого она смотрела влюблёнными глазами и, даже если бы разум приказал, не отпустила бы. Грейнджер любила зло во плоти, ведь иначе назвать Малфоя было невозможно. Он держал в узде поломанных людей, управляя их травмами, словно король на кладбище мертвецов.

От этих мыслей её должен был уничтожать страх. Но, вопреки всему, Гермиона ощущала лишь спокойствие, ведь знала, что он не позволит никому больше сделать ей больно.

— Страшно? — выдохнул Драко над её ухом. — Я предупреждал тебя.

— Знаешь, — выдохнула Гермиона, — пока я сижу здесь, рядом с тобой, мне страшно лишь то, что это закончится.

И мир, где она считала себя чужой, начинал становиться для неё чем-то новым, особенным, неизведанным. Он будто вдыхал в её лёгкие совершенно иные ощущения, восприятия и взгляды. Всё вокруг было разукрашено другой палитрой, вкусы обновлялись. А чувства заставляли кричать сердце, каждый раз засыпая в кровати с человеком, с которым хотелось проснуться.

После похорон наступало возрождение, и она всё-таки увидела себя фениксом. Однако до сих пор не могла избавиться от мыслей, что она являлась лишней везде и повсюду. Третий человек, которого не пускали в самый добродушный и лучезарный дуэт. Именно так она чувствовала себя всякий раз, когда Драко уходил к Нарциссе, когда Дафна говорила с Тео или Пэнси, когда та же Паркинсон удалялась с Блейзом или Дафной. Казалось, что места ей всё равно не было, как бы хорошо она себя ни ощущала в данный момент.

— Следи за тем, чтобы он передал подарок мисс Рейд, — скомандовала Нарцисса, смотря на Гермиону.

— Разумеется, — кивнула Грейнджер.

Драко лишь закатил глаза, а после увёл даму своего сердца ближе к поместью, что-то недовольно ей высказывая.

Нарцисса проводила взглядом сына и девушку, которая заставила его сердце биться чаще. Ей потребовалось несколько месяцев, чтобы разгадать Гермиону, заметить её беспокойство и убедиться, что у Драко оставался человек, готовый быть с ним рядом до самого конца. Это всё, чего она желала, хотела и о чём просила Мерлина. Ничего, кроме счастья собственного ребёнка, ей не было нужно. Остальное могло гореть и умирать.

Нарцисса подошла к воротам, приказывая страже отойти. Она схватилась за железные ручки, тяжело дыша и предвкушая, как последний раз увидит солнце. Она радовалась, что не сможет лицезреть боль Драко и то, как он будет убиваться по её кончине. Нарцисса больше не могла так жить, не могла быть его личным бременем и заложницей в собственном доме, она никогда этого не хотела.

После проклятия и гибели мужа Нарцисса желала собственной смерти, но не могла позволить оставить своего ребёнка в одиночестве. Но вот она увидела счастье в его глазах, девушку, которая готова отдать жизнь за него спустя ничтожное количество времени после встречи. Всё закончилось...

Нарцисса распахнула ворота и сделала несколько смелых, быстрых шагов вперед. Она смотрела на небо, вдыхала свежий воздух и видела солнце, по которому так скучала, и именно оно начинало обжигать её кожу. Нарцисса лицезрела сияющую звезду, чувствуя, как пылает сама: этот мир медленно отпускал её, даря такое необходимое освобождение...

— Мама! — услышала она крик Драко, и её тело упало на землю.

Он бежал к ней сломя голову, не думая о том, что произойдёт, и падал к

телу, приземляясь на колени. Палочка не слушалась. Руки дрожали — он направлял на Нарциссу древко, желая воскресить то, что уже давно было мертво, произнося раз за разом заклинания, стараясь спасти её...

Гермиона стояла позади него, видя, как в осенних листьях лежало уже обугленное тело его матери, а уничтоженный Драко предпринимал попытки что-то исправить...

Примечание к части

В этой главе уже появляются те сцены, которых не было в изначальной версии. Тео и Дафна это мои два жнеца☐

Осталось всего лишь 2 главы до конца. Больше обо мне и работах здесь <https://t.me/friendmalfoy>

Акт 5 «Букетные нарциссы»

«Дорогой, Драко.

Ты — самое любимое и дорогое, что у меня когда-либо было, я прошу тебя не винить себя в случившемся: мой единственный сын сделал всё, что только мог.

Я умерла давно, ещё в том самом лесу, и сколько попыток ты ни предпринимай, чтобы меня воскресить, — от Нарциссы Малфой осталась только тень. Ни один день за эти годы не принёс мне того, что я ощущала раньше. Лишь ты оставался моей единственной радостью всё это время, и я горда тем, что мой сын стал именно таким.

Возможно, ты не почётный член Ордена Феникса, но ты тот, кто готов сделать всё ради своей семьи, и Тазетта теперь она.

Прошу тебя продолжить то, что делаешь, чем живёшь. Ты нужен людям, которых забрал, нужен Гермионе, а она нужна тебе. Эта девушка позволила мне покинуть вас с теплотой на сердце, ведь я знаю, что ты будешь счастлив, и я прошу — не отторгай чувство, мой мальчик.

Ты самый достойный из Малфоев, кого я знаю, и заслуживаешь того, что построил. Я люблю тебя и буду любить даже после смерти, мой Драко.

С любовью, мама».

Малфой читал эти строки изо дня в день ровно по десять раз на протяжении двух недель, обещая, что каждый станет последним. Но утром Гермиона заставала его за этим письмом, в которое он вчитывался вновь. Слишком больно, чтобы отпустить.

Она старалась не задавать ему вопросов, ждала, что он поговорит с ней сам, но Драко разрушал её план, удерживая чувства глубоко в душе. Он не желал ни с кем делить собственное одинокое горе.

Нарцисса покинула его спустя несколько лет, хотя он сделал всё, чтобы подобного не произошло. Со смерти отца все его действия направлялись на её счастье. На то, чтобы мать ощущала себя в кругу семьи, всегда находилась в безопасности и ни в чём не нуждалась.

Он не мог и не хотел верить в то, что всё напрасно, что она желала смерти всё это время, встречая его с улыбкой на лице в покоех. Драко отказывался принимать за правду самоубийство матери, произошедшее едва ли не на его глазах, — это становилось выше его сил.

Сейчас проходил один из вечеров около камина, когда он сидел на диване, поглощал огневиски, думая о том, в какой момент должен был обратить внимание, чтобы сохранить ей жизнь. Он прокручивал данного рода мысли в своей голове каждый день на постоянной основе, словно мантру или молитву. Это пугало, заставляло переживать за него, беспокоиться всем сердцем.

Теперь подобное стало персональной болезнью Гермiony со смерти Нарциссы — он и его горе. Она считала худшим — убивать себя, но теперь понимала, что ошибалась. Самое ужасное — видеть, как любимый тебе человек страдает, а ты не можешь сделать абсолютно ничего...

— Не сегодня, — ответил он, когда она вновь подошла к нему, чтобы поговорить.

Раньше Гермiona уходила спать и ждала, пока он придёт, всегда мокрый от душа и горячий от эмоций. Но сейчас она села рядом, подбирая ноги под себя.

— Драко, я не могу понять твоей боли, но каждый день возвращаться к...

— Это выход, — ответил он чётким голосом.

— Губительный для того, что она так просила тебя сохранить, — произнесла Гермiona, кладя руку на его плечо.

Малфой едко ухмыльнулся, словно психически больной человек, который знал и видел слишком много необъяснимого, чтобы слушать её.

Хотя именно Грейнджер, вопреки всем действиям за последнее время, была с ним. Он делал ей больно после смерти Нарциссы: кричал, выгонял, говорил, что из-за неё мама умерла, из-за того, что Гермiona ощущала себя третьей лишней в их обществе. А после Драко обнимал её, извинялся, засыпал рядом с ней, прося прощения. Он утверждал раз за разом, что она самое дорогое, что у него осталось.

Это являлось правдой.

Как ни прискорбно, но, как правило, люди делают больно тем, кого любят, порой просто потому, что те хотят помочь.

— Сообщество не имеет без неё смысла, — он поджал губы. — Ты интересовалась, что такое Тазетта?

Гермiona пыталась понять это название, однако ни в одном языковом справочнике или словаре не могла найти возможного перевода данного слова.

— Тазетта — класс цветов. Букетные нарциссы, — произнёс Драко. — Букет означал семью: я создал всё для неё, чтобы она находилась в безопасности, ни в чём не нуждалась и была счастлива.

Он смотрел в глаза Гермiony так, словно выворачивал душу. «Семья для Нарциссы» — это означала мафия, которую он создал из пепла.

— Лишь позже Тазетта стала пристанищем для тех, кто терял свою жизнь, кого предавали и отторгали. Она действительно превратилась в семью, но что значит букет без цветов? — Малфой словно опустошался с каждым словом, не в состоянии смириться.

Гермiona села ближе к нему, убирая бокал и оставляя на щеке Драко еле ощутимый поцелуй. А после потянула его на себя, укладывая голову с волосами цвета снега на собственные колени. Она поглаживала его макушку, запускала

пальцы в шевелюру и медленно массировала.

— Человек жив до тех пор, пока жива память о нём, Драко, — прошептала она, смотря на языки пламени. — Мы не воскресим её, но можем продолжить то, что ты сделал ради неё, и навсегда оставить Нарциссу в истории магического мира, ведь в наших сердцах она будет до конца...

Она говорила и после, Малфой долго слушал её слова, предложения, идеи и восхваления его матери, убеждаясь в том, насколько та оказалась права касательно Гермионы. Грейнджер заменила Нарциссу в Тазетте, позволила себя любить и сделать её советником. Она уже не была третьей и уж точно не являлась лишней, его Гермиона наконец-то, спустя несколько месяцев, находилась на своём месте.

Первое, что она ощутила, когда проснулась, — тепло. Оно не исходило от огня, света, который падал сквозь панорамное окно, или одежды. Гермиона лежала на мягкой кровати, голова располагалась на широкой груди, её рука покоилась на его животе, а сам Драко обнимал её за талию, прижимая ближе к себе. Открыв глаза, она приподнялась, наблюдая за тем, как он спокоен и умиротворён.

Прошло несколько недель со смерти Нарциссы, и ему, казалось, стало немного легче. Время не могло его вылечить, но оно притупило боль от потери, однако появилась новая проблема. С исчезновением миссис Малфой некому стало направлять Грейнджер на «верные» суждения в отношении мафии. И видя, как Драко остается тем же, Гермиона всё чаще ловила себя на мысли, с кем и где она оказалась.

Малфой всегда представлялся разным. Он мог быть весёлым, непринуждённым в разговоре с приближёнными, а через две минуты его лицо словно покрывала маска холода — и он уже отдавал им приказы. Драко целовал её по утрам в кровати, говоря, что она прекрасна, обнимал её теми же руками, которыми накануне убивал. Он всегда становился для неё гранью — чем-то добрым и умиротворённым, но граничащим с жестоким и грубым. И ему это нравилось. Держать её в контрастах.

Но Гермиона же терялась, стоя на грани добра и зла в собственном разуме, — она уже сомневалась, верное ли решение приняла.

Сейчас он был обычным, спокойным, не чудовищем, коим кто-то его считал. Это ставило её в тупик. Отогнав от себя дурные мысли, она легко улыбнулась и потянула руку к его лицу, пальцами аккуратно убирая пряди, что лежали на лбу. А после коснулась губами его щеки, совершенно невесомо, при этом искренне улыбаясь.

— Держу пари, что, когда меня нет, ты спишь с моим колдо, — прошептал Драко.

— Спящим ты нравился мне больше, — буркнула она и попыталась встать с кровати.

Малфой открыл глаза и притянул её, переворачиваясь и подминая Гермиону под себя. Он навис над ней, внимательно разглядывая то, с какой нежностью на него смотрят янтарные глаза. Казалось, что порой она сама забывала, с кем была рядом, кого любила и что он мог сделать с ней при должной мотивации. Иногда его боялись даже собственные друзья, а она, как в школе, никогда не испытывала страха именно к нему.

Грейнджер волновалась в отношении Дафны, временами Нотта и тех людей, с которыми сотрудничала Тазетта. Но никогда не остерегалась его. Она могла ему хамить и не бояться умереть, её смелость граничила с безрассудством и отсутствием инстинкта самосохранения.

Поэтому он не мог её отпустить, даже если бы хотел — она стала не только напоминанием о прошлом, Гермиона принесла прошедшее и забытое к нему в жизнь. Те ощущения, те эмоции, что он переживал тогда, от неумолимого счастья до полной эйфории, торжествовали в нём, когда она находилась рядом.

И замечая её сомнения в правильности собственного решения, он всё чаще понимал — эту проблему нужно устранить.

— Мисс Грейнджер, за такие слова могут и язык отрезать, — предупредил он.

— Уверена, мой язык тебе ещё пригодится, — ухмыльнулась Гермиона и подняла руку, еле касаясь пальцами его кожи, медленно проводя по телу.

— Знал бы, что кроется в твоей голове, лет десять назад, ты оказалась бы в моей постели значительно раньше, — ответил Драко.

Она склонила голову набок, а после её ладонь полностью легла на его грудь в области сердца. Грейнджер чувствовала, как оно бьётся.

— Только ли в постели? — она невинно похлопала ресницами.

Малфой уже собирался ответить ей что-то колкое, как она приподнялась на локтях и коснулась его губ своими. Поцелуй вышел нежный, умиротворённый, не наполненный страстью или желанием, лишь спокойствием и теплотой.

— Ты обещал сегодня интересное, — прошептала Гермиона, оторвавшись от него.

Драко ухмыльнулся и встал с кровати, подходя к большому зеркалу в полный рост и поправляя свои волосы.

— Увидишь свою первую комиссию, — ответил он, разглядывая её в отражении.

Гермиона также поднялась с постели, сводя брови к переносице.

— Комиссия? — уточнила она.

Драко взял со стола палочку, накладывая очищающее заклинание, а после взмахнул ею, призывая одежду.

— Монтегю не выполнил приказ и был наказан за это, — спокойно произнёс он, застёгивая пуговицы на рубашке. — Однако есть моменты, когда прямого нарушения нет, но мы не получили того результата, которого ждали. В подобном случае проводится комиссия, где мы определяем судьбу того или иного.

— Вроде Визенгамота? — Гермиона вопросительно выгнула бровь.

Малфой кивнул. Она же была поражена услышанным, события до сих пор слабо укладывались в её голове, а новая информация всегда порождала вопросы.

— Значит, преступники — нарушители закона — располагают собственным судом? — ещё раз проговорила она.

— Правосудие есть везде, Грейнджер, — ответил ей Малфой, подходя ближе. — Разница лишь в том, кто его вершит.

Драко был полицией, судом, правосудием и чуть ли не Господом Богом в Тазетте. Его неоспоримая власть, которая в представлении Гермионы уже не знала границ...

— Комиссия состоит из меня, Капо и Блейза, мы разбираем нарушение, а после путём голосования приходим к решению, — завершил он. — Сегодня ты будешь в первом ряду.

Малфой ушёл, кинув напоследок время и место проведения, и Гермиона опустила на кровать, прокручивая в голове новую информацию.

Ей казалось честным, что у них есть суд, что они наказывали тех, кто нарушал их законы и договорённости. Но при всём этом она пыталась отгонять от себя мысли о том, что они сами являлись преступниками. Постепенно Гермиона старалась смотреть на мир иначе, каждому действию давать понимание, зачем оно совершено. Так было легче.

Монтегю убили не за то, что он нарушил омерту, а за то, что из-за него пострадали люди, — так она оправдывала его смерть. Стефану отрезали руки за то, что он воровал с ладони, которая давала ему еду, — таким образом Гермиона трактовала его судьбу. Феликс был мёртв, потому что пытался убить десятки, — то, что сделала с ним Дафна, казалось честным и верным.

Понятия добра и зла, чёрного и белого давно начали расплываться перед Гермионой в один лишь серый цвет. Не было плохого или хорошего, правосудия или его отсутствия. Были ситуация и отношение к этому. Каково оно — решают собственный опыт и степень субъективности. Всё слишком сложно и одновременно с этим до одурения просто.

Грейнджер выстраивала своё отношение ко всему только после понимания фактов. Поэтому сейчас подобная комиссия сулила ей серьёзную войну с внутренним правосудием.

Они находились в кабинете Малфоя. Блейз сидел около Драко на стуле, просматривая документацию. Пэнси располагалась на одном из диванов и отправляла патронус с поручением. Дафна и Тео ворковали напротив неё, обсуждая открытие нового клуба под покровительством Нотта. Драко восседал на своём кресле, перекидывая взгляд с одного члена группировки на другого, словно изучая их.

— Всем привет, — произнесла Гермиона.

Она прикрыла за собой дверь и села рядом с Пэнси, та ей кивнула и продолжила говорить с волком, что стоял перед ней. Малфой бросил на Грейнджер короткий взгляд и даже ухмыльнулся, словно ожидая её реакции.

— Кормак Маклагген, не так давно прошедший обряд инициации, обвиняется в распространении информации о Тазетте в рядах авроров, — произнёс Забини, осматривая всех собравшихся.

Все прекратили что-либо делать, будто мир остановился. И все уже не являлись просто людьми — они стали капо мафии.

У Грейнджер перехватило дыхание. Она в принципе не была осведомлена о том, кто и когда входил в состав группировки. Поэтому имя некогда однокурсника заставило её удивиться и даже забеспокоиться.

Взгляд Гермионы уже метнулся к Драко в тот момент, когда дверь открылась и внутрь вошли двое мужчин, которые под руки держали самого Кормака. Они толкнули его в центр комнаты, и тот рухнул на стул, со страхом в глазах озираясь.

— Комиссию можно считать открытой, — произнёс Блейз и кивнул солдатам выйти прочь.

Маклагген оглядывался по сторонам. Он находился в змеином гнезде и не знал, где искать помощи или спасения. Он посмотрел на Тео и Дафну, после на Малфоя и Блейза, взгляд переместился на Пэнси, а далее его рот приоткрылся, словно хотел выругаться, увидев Гермиону.

— Грейнджер? — не веря, произнёс он. — Поттер тебя обыскался уже, а ты тут?

— Я бы на твоём месте больше беспокоилась о себе, — ответила Гермиона.

Ей не хотелось слышать имя друга, а тем более говорить о нём. Почему? Он был напоминанием о прошлой жизни.

— Маклагген, я напоминаю, что внутри Тазетты ты обязан говорить только правду, — произнёс Забини подобным морозу голосом. — Если солжёшь, это будет приравнено к нарушению омерты и караться смертью.

«Почему они не используют Сыворотку правды, чтобы выявить истину?»

Пэнси встала с дивана и внимательно посмотрела на Кормака, после сложила руки на груди крестом и медленно обошла его по кругу.

— Три дня назад один из членов Тазетты видел тебя, когда ты покидал клуб «Океан», — произнесла Паркинсон. — Через несколько минут после тебя оттуда же вышел сотрудник Аврората. Ты говорил с ним, находясь в клубе?

— Нет, — ответил Маклагген.

Несмотря на то, что Капо разговаривала с ним, Кормак продолжал крутиться на стуле, постоянно оглядываясь на Гермиону, словно ища в ней такую необходимую поддержку. Когда-то она бы сделала всё, чтобы ему помочь, однако теперь её положение связывало руки, не позволяя совершать ничего, что могло выглядеть некорректным. Почему-то факт, что она находилась в отношениях с тем, кто являлся здесь законом, не позволял ей даже подумать о нарушении.

— Две недели назад ты был по поручению в Косом переулке, где также некоторое время присутствовал с этим же аврором в одном помещении, — говорила Пэнси. — Он следил за тобой?

— Понятия не имею, — продолжал Кормак. — Он часто ходит за мной везде. Думаю, что следит, но я не предоставлял ему информации.

Следом шло много вопросов. Они звучали ото всех сидящих, за исключением самой Гермионы, которая просто наблюдала. Окружающие уточняли у Маклаггена всё: от цвета одежды аврора и до того, что он делает, когда приходит домой. Беседа плавно становилась допросом, и страх Кормака можно было ощутить даже за километр.

В какой-то момент Грейнджер даже стало его жаль, ведь, возможно, это всё являлось сущим совпадением — и он хотел, чтобы его слова не вывернули иначе. Впрочем, к её удивлению, никто даже не пытался подобного сделать.

— Мистер Малфой, — у двери показался юноша. — На входе в поместье вас требует глава Аврората.

Все переглянулись между собой. Драко в последний раз посмотрел на Кормака, а после лениво встал из-за стола и направился к выходу, все остальные также последовали за ним.

— Присмотри, — бросила Пэнси, кивая на Маклаггена.

Все скрылись за дверью. Гермиона поерзала на диване, стараясь не поднимать взгляда на Кормака. Он же скривился в противной ухмылке и оглянулся прямо на неё.

— Как ты докатилась до этого, а, Грейнджер? — он склонил голову набок. — Сидишь тут с детьми Пожирателей смерти, словно своя. Тебя совершенно не колет, что из-за них...

— Заткнись, Маклагген. Я не намерена с тобой разговаривать, — грубо ответила Гермиона. — Лучше подумай о том, что с тобой сделают, если всё окажется правдой.

— Даже если меня убьют здесь, то хотя бы за правое дело, — признался он, и Гермиона посмотрела в его глаза. — Ты же умная девочка. Должна понимать,

что это, — он обвёл пальцем помещением, — неправильно.

— Явно не тебе судить, что здесь правильно, а что нет.

— А если их сейчас посадят? Кто будет об этом судить, Грейнджер? — издевался он.

Гермиона встала с дивана и подошла ближе к Кормаку. В душе заиграл огонь злости, ведь он вполне мог привести сюда авроров, и, вероятно, в данный момент на тех, кто принял её, дал новую жизнь, надевали наручники. От этой мысли ей захотелось сию же минуту заставить Маклаггена мучиться, ведь он едва ли не прямым текстом признавал, что обвинения верны.

Сострадание исчезло, когда угроза показалась такой ощутимой. И если раньше Тазетта была волком, а Гермиона боялась за овец, то теперь места изменились — и она искренне переживала за тех, кто убивал.

Конец её палочки коснулся горла Кормака, Грейнджер возвышалась над ним, смотря прямо в глаза и ища там подвох или блеф. Так её учили Драко и Тео.

— Я уже вижу заголовок — «Гермиона Грейнджер: путь от принцессы гриффиндора до пожирательской подстилки», — продолжил Кормак.

А это уже задело её самолюбие.

— Круцио! — заклинание вырвалось само по себе, машинально.

«Он не знал. Не понимал того, что мне пришлось пройти, что пережить. Он не испытывал даже толики того, что я, оказавшись на улице, — без семьи, друзей и близких. Тазетта дала мне шанс начать сначала, дала любовь, семью и ощущение дома. И будь все её члены хоть в сотый раз преступниками, я бы встала на их сторону».

Эти мысли буквально прорвались в её голову, и Гермиона поняла, что подобное слышала от Нарциссы.

Кормак вскрикнул и повалился на пол, а со стороны коридора послышались шаги. В комнату вошёл Малфой, осматривая скулящего от боли Маклаггена. Взгляд Драко метнулся на Гермиону, а та сжала палочку в руках и поджала губы.

— Он признался, что виновен и что врал, — выдохнула она. — Полагаю, на этом комиссию можно считать завершённой.

Драко сидел на диване в своей комнате напротив камина, на бёдра он положил подушку. Гермиона свернулась калачиком рядом с ним, опрокинула голову на мягкий материал и мирно посапывала. Малфой перебирал пальцами её пышные волосы, поглаживая макушку и иногда касаясь плеч. Сегодня для неё был ужасный день, который он сам и спровоцировал, прекрасно понимая, насколько ей тяжело это может даваться.

Он замечал, что даже спустя столько времени Гермиона продолжала сомневаться в правильности своего выбора. Часто Драко видел подобное у других участников Тазетты — разница в том, что её состояние его чрезмерно волновало. Малфою было слишком важно, чтобы она ощущала себя комфортно, счастливо и улыбалась каждое утро. Ради неё он даже разыграл спектакль с Кормаком, чья вина уже давно была доказана.

Маклагген под Империсом идеально выполнил роль катализатора, толкая Гермиону к выбору, который она сделала и теперь считала правильным. Больше не будет терзаний, переживаний. Его девочка наконец-то будет счастлива с ним, её не будет тревожить совесть или прошлое. Грейнджер была светом для него, который не хотелось терять. Она — единственное дорогое, что у него осталось.

Примечание к части

А теперь мы знаем почему именно Тазетта.

Завтра финальная глава. Больше новостей здесь <https://t.me/friendmalfoy>

Что скажете о главе?

Акт 6 «Всё так, как и должно быть»

— Можно?

Драко поднял взгляд на источник звука: входная дверь была приоткрыта, и виднелась голова улыбающейся девушки. Комната была погружена в полумрак, свет исходил лишь от пары свечей, которые стояли на его столе. Это придавало ощущение уюта и комфорта, либо же его несла Гермиона своим присутствием.

— Ты уже вошла, — произнес он, не отрывая от неё взора.

Грейнджер многозначительно кивнула и сразу же зашла внутрь кабинета, закрыв за собой дверь. Её волосы были распущены и волнами опускались на белоснежную рубашку, которая явно являлась слишком большой для её миниатюрного тела. От этого на его лице скользнула лукавая ухмылка — Драко нравилось смотреть на то, как вечерами она приходит в его кабинет, зная, что он занят.

В такие моменты она всегда стыдливо опускала глаза, закусывала губу, вальяжно передвигалась по помещению, проводя своими тонкими пальцами по стенам, мебели и книгам. Она задерживала на них взгляд, словно её интересовало в комнате что-то ещё, помимо хозяина поместья.

Со временем Гермиона научилась управлять мыслями и забывать, что происходило в его кабинете. Сейчас, когда она стояла в комнате, разум её уже не посещали мысли, что когда-то здесь погиб Монтегю, отрезали руки Стефану, пытали тех, кто был неугоден. Слишком неудобная правда, которую Гермиона предпочитала не запоминать. Она ограничивала себя мыслями о Малфое и о том, какой он был с ней. Также и с остальными — неважно, что они делали и делают, с ней они ведут себя иначе. И это главное.

Грейнджер уже не рассматривала Тазетту как группу страшных людей, чьи действия не ограничивались контрабандой, ростовщичеством, рэкетом и другими аспектами преступности. Для неё они стали семьёй: любое действие против группировки означало угрозу, а высказывания не в пользу мафии — оскорбление. И они касались её, ведь она теперь являлась частью действия. Всё, что они делали, для неё стало правильным, а закон превратился в клочок бумаги, на который опирались те, кто её предал.

Она устроила свой мозг таким образом. Это было удобно, просто, приносило лишь радость и моральное удовлетворение. Советы, что она давала Драко, делали её полезной, а его безграничная любовь завтра подведет её к алтарю. Гермиона не считала, что пошла в другом направлении, — теперь все её поступки и суждения были истиной в последней инстанции. И никак иначе.

«Я действую в интересах Тазетты», — это она говорила всем и себе каждый раз, когда шла против былых принципов.

— Это моя рубашка? — Драко вопросительно выгнул бровь.

Гермиона поджала губы и посмотрела на него.

— Возможно, — хитро улыбнулась она. — Что-то имеешь против?

Малфой обвёл её тело заинтересованным взглядом и отрицательно покачал головой.

— Моя Грейнджер в моей рубашке, — он облизнул губы. — Всё так, как и должно быть, — его лицо окрасила лукавая улыбка. — Поможешь?

Гермиона подошла к нему, вставая рядом с креслом и смотря в записи, которые лежали на столе. Там находилось несколько документов о праве собственности и открытии новых предприятий в Лондоне. У края стола была всё та же карта. Со временем Гермиона узнала, что три секции означали трёх капо, трёх капитанов, которые контролировали свою часть города.

Его рука легла на её бедро, с силой сжимая, отчего она ахнула и опустила взгляд на Малфоя. Тот был сродни лису — в глазах горели огонёк азарта и желание узнать, как она отреагирует в этот раз.

Иногда казалось, что он словно питался её эмоциями, постоянно ища новые грани и стараясь познать её целиком и полностью. Только для себя. Драко никогда не отрицал, что являлся собственником или эгоистом. Поэтому он подмял под себя весь Лондон, а не только его часть.

— Казино я бы отдала Пэнси, — произнесла Гермиона, ощущая, как он тянет её вниз, усаживая на свои колени.

Она машинально обвила руками его шею, смотря в глаза. Сам же Драко медленно проводил ладонью от колена и выше, сжимая кожу под ткань джинсов и ловя каждый тяжёлый вздох Гермионы. Её тело начинало пылать, а потребность в его прикосновениях становилась необходимой, однако Драко резко прекратил действия и откинулся на спинку кресла. Он с упоением наблюдал за её выражением лица, когда она потеряла его «внимание».

— Почему Пэнси? — поинтересовался он.

Гермиона поёрзала на его бёдрах, устраиваясь удобнее и делая вид, что совершенно не расстроена.

— Оно же располагается между территорией Пэнс и Тео. А первым поступком Тео, когда он получит казино, будет ставка, — аргументировала она. — Вот, например, ювелирный магазин я бы отдала ему. Не будет соблазна забирать новинки, которые можно продать втридорога.

Драко медленно кивнул, любуясь ею.

Восхищение этой девушкой всегда доходило в нём до предела, особенно оно ощущалось сейчас, когда она являлась неотъемлемой частью его жизни. Гермиона стала для него всем, способная на авантюры, готовая решить любую загадку. По-детски коварная и хитрая, что его лишь умиляло. Грейнджер пыталась быть строгой, с другими у неё отлично получалось, но с ним выходило слишком забавно — от такого о ней хотелось заботиться и идти на уступки.

А Гермиона порой очень умело пользовалась подобным. Это было что-то вроде игры — каждый знал, на что способен другой, но позволял изредка себя дурить, чтобы тот ощутил величие.

Не все вещи несут выгоду — иногда достаточно, чтобы дорогой человек стал поистине счастливым.

— Из тебя получается отличный...

Малфой оборвался, понимая, что не помнит пресловутого слова, которое она произносила.

— Консильери, — подсказала Гермiona. — Советник, имеющий власть практически такую же, как и босс, но участвующий лишь в разработке планов.

— Словно создано для тебя, — произнёс Драко, вновь опуская руку на её бедро.

Она закатила глаза, цокая языком. Мгновенно он подался вперед — ладони оказались на её талии, сильнее вжимая в его тело, а губы требовательно припали к её.

Сейчас в ней бурлило то, по чему она слишком скучала раньше и что теперь дарил ей Малфой — ощущение нужности, привлекательности, того, что она на своём месте и желанна. Сам же Драко с ней вновь чувствовал себя живым. Это было обоюдно, правильно и, что самое главное, необходимо.

— Ещё три предприятия, Драко, — на выдохе произнесла она.

Её голова уже была запрокинута назад, а кожа горела оттого, как он целовал её шею, покусывая и заставляя дрожать. В принципе, ему достаточно было просто находиться рядом и говорить что-нибудь, чтобы она желала его.

— Которые никуда не уйдут.

Гермиона ощущала его дыхание на подбородке.

Крохотный остров самообладания ещё позволял слышать то, что он говорил.

— Я тоже никуда не уйду.

Малфой поднял на неё взгляд, он словно протрезвел от опьяняющего чувства. Он смотрел в глаза янтарного цвета и поражался тому, насколько могут быть важны для него подобные слова в её исполнении.

Он пальцами взял её за подбородок, ощущая, как трепетало податливое женское тело.

— Это обещание?

— Констатация факта.

Драко улыбнулся. Он отпустил подбородок, и его пальцы невесомо провели по коже вниз. Сначала по шее, ключице, после рука легла на грудь, и он с силой её сжал, не отрывая взгляда от Гермiony, наслаждаясь каждой её эмоцией и реакцией.

Опуская ладонь ниже, он забрался под рубашку, расстёгивая джинсы, Малфой потянул их вместе с бельём к низу, приподнимая её на своих коленях. А следом с жадностью провёл по горячей коже бёдер, массируя её, будто бы наслаждаясь отсутствию граней дозволенности.

— Сюда могут пойти, — последняя попытка остановить его.

— Плевать, — шёпотом ответил Драко.

Он поймал тяжёлый выдох поцелуем, проникая языком в её рот, сминая женские губы так, будто это был последний раз, когда он к ним прикасался. Его рука нежно поглаживала внутреннюю сторону бедра, ощущая, как Гермиона пытается их сжать, чтобы унять возбуждение, прошибающее током от каждого его действия. Вторая ладонь стиснула её талию сквозь хлопок, Малфой хотел оставить следы, чтобы, наблюдая за ними, вспоминать каждое мгновение близости.

Драко целовал её подбородок, проводя носом по скулам и с наслаждением вдыхая такой приятный и желанный аромат полевых цветов. Чего-то чистого, невинного, не испорченного и прекрасного, какой она и была для него.

Двумя пальцами он дотронулся до влажных половых губ, медленно поглаживая их, ощущая, как подрагивает женское тело в его руках. Казалось, что Драко достаточно лишь прикоснуться, чтобы она наплевала на всё, как и он. Часто Гермиона ловила себя на мысли, что так оно и было. Его уверенность стирала границы сознания и здравого смысла, оставляя лишь желание, которое тугим узлом стягивалось внизу живота.

Сейчас она держалась за его рубашку одной рукой, а второй стискивала затылок, позволяя истязать свою кожу на шее укусами и заглаживать поцелуями. Инстинктивно она прижимала его голову ближе к себе, желая почувствовать его хоть немного ближе. Полностью и без остатка.

— Пожалуйста, — собственный голос показался ей инородным писком, когда она подалась вперед бёдрами. — Прикоснись ко мне.

— Раз леди так просит, — ответил Драко, и кожей она ощутила его улыбку.

Он коснулся набухшего клитора, несколько раз обводя его по кругу большим пальцем. Её ногти впились в его шею, а другой рукой она сжала рубашку, издавая громкий стон. Словно лис, он ухмыльнулся и вновь взглянул в её глаза, в этот момент нажимая на чувствительный бугорок. Ему нравилось смотреть на темнеющие зрачки, едва приоткрытые губы, с которых слетали тихие вскрики, создающие мелодию для его слуха.

— Что ты испытываешь, когда я так делаю?

Мастерски игнорируя собственное возбуждение, он играл с ней, удерживая на волнах удовольствия и слушая, как она пытается сложить несколько слов в единое предложение.

— Драко, — прошептала она, чувствуя, как его палец равномерно входит в неё. — Да, пожалуйста.

Она зажмурилась, закусывая губу и совершая встречные подмахивания, желая, чтобы он вошёл глубже.

— Ощущения, Гермиона, — шёпот над ухом, и его рука с талии потянулась к её волосам, сжимая их. — Я люблю слушать то, что ты испытываешь рядом со мной.

Её ресницы подрагивали, когда она смотрела в его глаза, стараясь моргать и не прикрыть веки полностью.

— Адреналин и спокойствие, — ответила Гермиона. — Я всегда на грани с тобой, Драко. Ты зло, но слишком необходимое, чтобы отказаться.

Движения его ускорились — Малфой был удовлетворён ответом. Это являлось своего рода наградой за признание, что в нём она любила то, что сам он ненавидел.

Гермиона выстанывала его имя ему на ухо, обдавая горячим дыханием кожу. Он улыбался, наслаждаясь тем, как она извивалась, подстраивалась под него, пыталась двигаться, желая ощутить больше. Это грело его самолюбие и распалило изуродованную душу.

Стенки начали сжиматься вокруг него в тот момент, когда Драко остановил ласки. Гермиона широко раскрыла глаза и припала к его губам, наваливаясь, выказывая своё желание, потребность в нём и его теле сейчас.

Аромат сандала сводил её с ума, а его рука на её бёдрах заставляла гореть. Грейнджер потянулась своими пальцами к его рубашке, расстёгивая ту, опускаясь поцелуями к его шее и ниже, касаясь губами груди и потираясь о неё носом.

Её руки притронулись к ремню, потягивая тот из пряжки и расстёгивая брюки. Гермиона коснулась его эрекции, вытаскивая член из тесной одежды. Она провела по нему ладонью, наблюдая за реакцией, удерживая невинную улыбку на собственных губах. Тело ныло, желая вновь ощутить его настолько же близко, как было до этого.

Драко заставил её убрать руки, чтобы самому расстегнуть рубашку и стянуть её с неё, любуясь полностью обнажённой Гермионой.

Она сидела у него на бёдрах, ресницы подрагивали, грудь равномерно вздымалась, а приглушённый свет очерчивал изгибы тела в полумраке. От такой картины сорваться уже хотел и он, чтобы просто взять её, потому что мог, нуждался. Потому что Гермиона была его.

Она положила руки на плечи Драко, медленно опускаясь на него. Из горла вырвался стон наслаждения от ощущения наполненности и такой желанной близости. Малфой прижал её ближе к себе, губами касаясь груди, заставляя Гермиону выгибаться и пытаться двигаться на нём, но он сильно сжал её талию, не позволяя.

— Не старайся, — прошептал Драко, его дыхание опаляло её ареол. — Только когда я разрешу, ты поняла меня?

Власть в его глазах отдавала холодом, но Гермиона лишь тяжело выдохнула, кивая ему и сильнее сжимая руками плечи, когда он прикусил твердеющий сосок. Малфой зажал его зубами, языком кружа вокруг него. Другой рукой он стиснул вторую грудь, принося сначала боль, а после приятную истому, которая сочилась по телу.

Драко поднял взгляд на Гермиону, а после вновь припал к ней, легко прикусывая кожу и наслаждаясь тем, как она уже дрожала от желания. На его губах скользнула ухмылка, и он подался бёдрами вверх, выбивая из неё крик удовольствия. Она опустила на него взгляд, а после поцеловала, аккуратно проводя языком по его нёбу, соприкасаясь с ним. Гермиона вильнула бёдрами ему навстречу, словно спрашивая разрешения, и, не получив ответа, начала двигаться.

Грейнджер оторвалась от его губ, прижимаясь ближе к телу. Он чувствовал её напряжённые соски на своей коже, отчего переместил руки с талии на бёдра, жёстче опуская Гермиону на себя. Она рвано хватала воздух, запрокинула голову, открывая ему вид на шею, покрытую багровыми пятнами. Драко обожал то, как она выглядела, пахла, какие звуки издавала для него. Всё это в совокупности дарило приближённые к оргазму ощущения, а вместе с этим — доводили до эйфории.

— Драко, — сорвалась она на крик.

Он чувствовал, как она сжимается на его члене, подводя самого Малфоя к краю. Подушечкой пальца Драко прикоснулся к клитору, кружа вокруг него. Гермиона продолжала двигаться быстрее, ловя такт и кусая губы до крови от подкатывающего удовольствия и всех тех ощущений, что он дарил ей.

Последний вскрик, и Гермиону затрясло, волны удовольствия прокатывались по всему телу подобно разряду тока, заставляя её кричать, произносить его имя и обещать всё, что он только пожелает. А желал он лишь её.

Грейнджер ослабла, обнимая его. Драко сжал зубы, делая последние толчки, прижимая её ближе, чувствуя её тепло и то, как наступает его собственная разрядка. В ней, рядом с ней. С той, кто желает этого больше, чем он мог бы себе представить.

Её голова покоилась на его груди, когда она приоткрыла глаза, всё ещё ощущая его присутствие внутри себя. Гермиона посмотрела на него — Малфой внимательно разглядывал её волосы, накручивая один локон на палец и улыбаясь.

— Продолжим распределение? — невинно произнесла Гермиона.

Драко рассмеялся, снимая её с себя и наблюдая за тем, как его девочка натягивает его рубашку, вновь усаживается к нему на колени и продолжает работу. Ни капли дискомфорта, адреналин прошёл — наступило спокойствие. Причём для обоих.

Эпилог

— Вы не имеете права не пускать меня! Я глава Аврората! — кричал мужчина у ворот поместья.

Окрестности Малфой-мэнора были освещены солнцем, его лучи касались цветов в саду, железной беседки, от которой они отражались, и мощёной дорожки. Именно по ней сейчас шла Гермиона, чьи каблуки звучно постукивали по камням, а идущий сзади неё юноша лишь шоркал ногами, отчего она иногда чертыхалась, но ничего не говорила. Она вдыхала аромат свежего утреннего воздуха и наслаждалась пением птиц, которые пролетали мимо. На дворе стояла весна.

Гермиона толкнула ворота и вышла за пределы территории поместья, где происходил жаркий спор между двумя раздражёнными мужчинами.

— Что здесь за шум? — строго поинтересовалась она, оглядывая их.

— Миссис Малфой, он просит разговора с мистером Малфоем, — ответил ей один из них.

Гермиона взглянула на того, о ком говорили солдаты, и увидела перед собой опешившего от шока Гарри Поттера. Он осматривал некогда подругу с ног до головы и, казалось, не мог поверить своим глазам. Она уходила от него загнанным зверем, в мешковатом платье и еле передвигая ногами, с разбитой душой и искалеченным сердцем.

Сейчас перед ним стояла статная девушка с уложенными волосами, в брючном костюме и на высоких каблуках. Лицо её было покрыто маской безразличия, а в глазах играло лишь равнодушие к тому, что он может ей сказать.

— Миона? — выдохнул он. — Я думал, ты мертва. Тебя не было год, мы искали...

— Для вас я мертва, мистер Поттер, — ответила Гермиона. — По какому вопросу?

Казалось, что в эту минуту его глаза стали больше собственных очков. Ожидал ли он услышать такое? Хотя вопрос был в другом — что он вообще ожидал сейчас от неё?

— Гермиона, мы же друзья, — попытался напомнить он ей.

— Я повторяю вопрос последний раз — по какому вопросу вы, мистер Поттер, пришли сюда? — голос чёткий, злой, отторжённый и полный злости.

— Мне нужно найти одного человека...

— Сожалею, мы ничем не можем помочь, — произнесла она и сделала шаг обратно на территорию поместья.

Когда она уходила в сторону самого дома, слышала позади крики Гарри,

мольбы, просьбы, извинения, но ей было уже всё равно — она давно это отпустила, мир изменился так же, как и она. И, без сомнений, Гермиона радовалась подобному раскладу вещей.

— Миссис Малфой, — к ней подбежал тот самый юноша. — Мы разве не должны заключать сделки?

— Одно из правил омерты, Джозеф, — она резко остановилась, смотря в его глаза. — Не допускай, чтобы тебя видели в обществе аврора.

Примечание к части

Вот мы и подошли к концу. Что ж...

Это не боевик, к счастью или радости. Тазетта - это история о том, как потеряв одну семью, ты находишь другую. Как ты шагаешь через себя, принципы, которым служил годами, чтобы быть счастливым.

Надеюсь, я это чувствую не одна.

Буду рада Вашим впечатлениям, комментариям. Также напоминаю, что вероятнее всего Тазетта станет макси с альтернативной историей (где Гермиона становится директором ФИБ и не вступает в Тазетту с самого начала).

Более подробно об этом будет здесь <https://t.me/friendmalfoy>

С любовью, Ваш друг

Рождественское дополнение

Отказываться от своего прошлого всегда непросто, даже если в памяти оно осталось комком боли и сожалений. У разума есть свойство стирать болезненные воспоминания, создавая для человека иллюзию идеального мира, который он почему-то решил покинуть. В такие моменты главное — вовремя ударить по ещё кровоточащей ране, чтобы понять, насколько «сейчас» лучше «раньше».

Прошло несколько лет, два Рождества, три Хэллоуина, и в памяти Гермионы не осталось и следа от некогда красивых праздников в Норе. Пироги Молли сменили десятки изысканных блюд, украденную у Артура медовуху — дорогой огневиски, разговоры о потерянном — речами о приобретённом, а дружеские беседы — бесконечная любовь и преданность.

В конечном итоге она не просто смогла отпустить красивое, детское и иногда не лучезарное прошлое. Гермиона погрузилась в рискованное, моментами жестокое, но вместе с тем поглощающее настоящее. Здесь её уважали, ценили, возносили и любили, каждое из этих слов вселяло веру и уверенность в собственных силах. Именно тут Гермиона чувствовала себя частью семьи впервые после потери родителей.

И осознала важное:

Тазетта — не просто мафия, державшая магический Лондон в удобной для себя власти. Это место, где ты — часть большего, непременно особенного и абсолютно важного. И символом всех ценностей становилась ни омерта, ни воспеваемая мораль или цели, а Рождество — праздник, полный веселья, радости, а главное, ощущения, что ты на своём месте.

Поэтому если и оставались люди, считавшие, будто выбрали неверную сторону, — сегодня их сомнения стирались, вознося на пьедестал понимание. Мафия — не о преступности, смерти и нарушении закона, это о семье, которая принимает тебя, даже когда мир отвернулся.

— Все уже собрались, — шёпот раздался над ухом.

Драко прижался к ней вплотную, его руки легли на её талию поверх шёлковой ткани алого платья, и он рвано вдохнул аромат шоколада. Улыбка сама показалась на её лице от пестрящей в душе любви, и Гермиона медленно, почти не притрагиваясь, погладила его по щеке.

Казалось, его кожа вибрировала под её пальцами.

Улыбнувшись в ответ, Драко блаженно прикрыл веки, прижавшись своим лбом к её, и едва коснулся мягких губ, отдающих огневиски.

Тепло рассеялось по телу и сознанию, взбудоражило трепещущее сердце, вытравило из разума каждую негативную мысль и оставило на душе привкус постижимого счастья. Его хотелось вдыхать, чувствовать каждой клеточкой и никогда не отпускать, только бы здесь и сейчас не закончилось.

Драко легко коснулся её губ своими, его лицо осветили улыбка и яркие серые

глаза.

Всё ещё похожие на две серебряные монетки, будто бы он платил ими за совершенное.

— Пошли, — мягко кивнула Гермиона.

Её ладонь скользнула ниже, ногтями царапнула костюм, пока не почувствовала тёплую кожу его руки. Гермиона переплела их пальцы, сжимая настолько крепко, словно это не просто самое красивое Рождество, а последнее. Со временем она поняла, что так и нужно: *жить так, будто бы завтра мир испарится, а происходящее окажется сном.*

Драко усмехнулся и вывел её в общий зал, где они встали перед огромной, украшенной серебром ёлкой. Она светилась, как и лица десятков волшебников, стоящих перед ними с бокалами и ждущих, пока пробьёт полночь.

И находясь перед ними, Гермиона не сомневалась, что каждый тут не из-за страха или лишённости. Все, включая её саму, чувствовали здесь дом, место, преданность которому равно желанию жить. Это познавалось телом, душой и сознанием.

Словно Тазетта не название, а нечто живое, дышащее и осязаемое. Может быть, так и было, потому что в Рождество присутствие букетных нарциссов ощущалось в сердце трепетной любовью...

Тазетта — это семья, теперь не только для Нарциссы, но и для Гермионы.

Примечание к части

А вот и рождественский привет из прошлого)